

ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

или

МИР БЕЗ ЖЕНЩИН

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

АЛЕКСАНДР ГРЕКОВ

Александр Греков

**Последнее поколение
или Мир без женщин**

«Автор»

2026

Греков А.

Последнее поколение или Мир без женщин / А. Греков —
«Автор», 2026

2194 год. Уже почти два столетия дети не рождаются естественным путём. Их создают в репродуктивных центрах, выращивают в искусственных матках и заранее наделяют качествами, выбранными родителями и государством. Стремление к здоровью, удобству и совершенству изменило человечество — девочек становилось всё меньше, пока мир почти не остался без женщин. Профессор-генетик Алексей Сергеевич Вóлков пытается понять, когда человек превратил рождение новой жизни в управляемую технологическую программу и почему общество, победившее наследственные болезни, оказалось на грани исчезновения. Всё меняется, когда Вóлков узнаёт о Марье и Коле — брате и сестре, родившихся естественным путём в деревне, которой нет ни на одной карте. Эти дети не были выбраны из каталога, проверены алгоритмами или созданы по государственному плану. Они появились благодаря любви двух людей. Но готов ли идеальный мир признать существование тех, кого он не создавал и не контролирует?

© Греков А., 2026

© Автор, 2026

Александр Греков

Последнее поколение или Мир без женщин

ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

или

МИР БЕЗ ЖЕНЩИН

научно-фантастический роман

Александр Греков

Глава первая

Последний вопрос

2194 год.

Прошло почти сто семьдесят лет с того дня, как на свет появился последний ребёнок, рождённый естественным путём. Никто из живущих уже не помнил, как это происходило. В исторических архивах сохранились старые видеозаписи: женщина в больничной палате, встревоженные врачи, первый крик младенца. На уроках истории эти кадры показывали редко. Современному человеку они казались слишком тяжёлыми, болезненными и непредсказуемыми.

Теперь дети появлялись иначе. Их создавали в репродуктивных центрах из генетического материала будущих родителей или из клеток, преобразованных в лаборатории в полноценные половые клетки. Наследственные заболевания исключали ещё до формирования эмбриона, а затем искусственная матка поддерживала питание, дыхание, температуру и движение околоплодной жидкости. Нейросеть следила за развитием каждой клетки и замечала малейшее отклонение задолго до того, как оно могло стать угрозой.

Сто процентов детей рождались искусственным путём. Другого пути больше не существовало. За несколько поколений человеческое тело полностью утратило способность самостоятельно завершать репродуктивный цикл. Без лаборатории невозможно было ни получить жизнеспособный эмбрион, ни выносить ребёнка. Беременность превратилась в старое слово, а роды — в медицинский термин из прошлого.

Человечество считало, что наконец победило природу. Оно избавило женщину от боли и риска, спасло миллионы детей от наследственных болезней и сделало появление человека почти безошибочным. Но однажды выяснилось, что безопасность ещё не означает желания.

Профессор Алексей Сергеевич Волков сидел за письменным столом и смотрел на пустую строку. За окном медленно светлело. Город просыпался почти бесшумно. По воздушным коридорам скользили первые транспортные платформы, на фасадах домов гасла ночная реклама, роботы-дворники смывали с тротуаров тонкую серую пыль.

На противоположной стороне площади возвышался городской репродуктивный центр. Когда-то его называли Дворцом новой жизни. Стеклопанельное здание занимало целый квартал и было рассчитано на двадцать тысяч одновременно развивающихся детей. Сегодня свет горел только в одном крыле.

Волков перевёл взгляд на экран. В верхней части страницы стояло название будущей книги: «Последнее поколение». Ниже он написал подзаголовок: «Исследование о человеке, который научился создавать жизнь и перестал хотеть будущего». Перечитал, стёр последние пять слов, немного подумал и вернул их обратно.

— Открой мировой демографический отчёт, — сказал он.

Стена перед ним стала прозрачной, и в воздухе появились цифры.

— Общая загрузка репродуктивных центров составляет десять целых и две десятых процента, — произнёс спокойный голос домашней системы.

Волков нахмурился. В прошлом месяце было десять целых и семь десятых.

— Сколько центров закрыто за последний год?

— Триста восемнадцать.

— Причины?

— Отсутствие заявок.

— Медицинские ограничения? Экономические? Законодательные?

— Ограничения не обнаружены.

Волков откинулся на спинку кресла и несколько секунд молчал.

— Тогда что мешает людям становиться родителями?

— Основной фактор — отсутствие устойчивой мотивации.

Фраза была точной и от этого звучала особенно страшно. Люди не умирали от эпидемии, не голодали и не прятались от войны. У них были дома, работа, развлечения, безопасность и долгая жизнь. У них было всё, о чём мечтали предыдущие поколения, кроме желания впустить в эту жизнь кого-то ещё.

— Покажи прогноз.

Цифры исчезли. На их месте возникла тонкая светлая линия, которая медленно опускалась вниз.

— При сохранении текущей динамики воспроизводство человеческой популяции прекратится через сорок семь лет. Вероятность самостоятельного восстановления рождаемости — менее одного процента.

— А если увеличить выплаты, предоставить жильё, полностью освободить родителей от работы?

— Эти меры уже моделировались. Они вызывают кратковременный рост заявок с последующим возвращением к исходной тенденции.

Волков отключил отчёт. Комната снова стала обычной: стол, кресло, чашка давно остывшего кофе и пустой город за стеклом.

Он знал, что многие обвинят технологии. Это было удобно. Можно было указать на искусственные матки, генетические лаборатории и нейросети и сказать: вот причина. Но Волков не верил в такую простую правду. Технологии не были злом. Он слишком хорошо помнил, сколько жизней они спасли.

Когда-то наследственная болезнь отняла у него жену и дочь. Медицина уже умела многое, но ещё не могла исправить ту единственную ошибку в их генах. После их смерти Волков посвятил себя генетике. Он работал над программами, которые находили опасные мутации до формирования эмбриона, а позднее его группа помогла создать полностью автономную систему внутриутробного развития. Благодаря этой системе дети перестали умирать от болезней, веками считавшихся неизбежными.

Это была победа. Настоящая. И всё же где-то на пути от страдания к безопасности человечество потеряло нечто важное. Волков пока не знал, как это назвать.

Он поднялся из-за стола, надел пальто и вышел из квартиры. Репродуктивный центр находился совсем рядом. Когда здание только открылось, на площади перед ним круглые сутки стояли очереди. Люди приходили парами, спорили об именах, смеялись и прижимали к груди папки с результатами анализов. Теперь у центрального входа никого не было.

Двери узнали Волкова и бесшумно разошлись.

— Доброе утро, профессор. Ваш визит не запланирован, — произнесла система центра.

— Значит, будет незапланированным.

В холле пахло стерильным воздухом и чем-то едва сладким. Так пахла питательная среда. Когда-то этот запах казался Волкову запахом будущего.

Он прошёл по длинному коридору. За прозрачной стеной тянулись ряды капсул. Большинство было тёмными. Лишь в редких освещённых камерах медленно колебалась тёплая жидкость. В каждой рос человек — без боли, без страха и без прикосновения матери.

У одной из капсул стояла директор центра. Заметив Волкова, она кивнула.

— Я знала, что вы придёте.

— Почему?

— Вы получили отчёт.

— Его получили все члены комиссии.

— Но пришли только вы.

Волков остановился рядом с ней. За стеклом спал ребёнок. До завершения цикла оставалось четыре месяца. Маленькая ладонь была прижата к прозрачной оболочке, а пальцы иногда вздрагивали, словно ребёнок пытался за что-то ухватиться.

— Родители наблюдают за развитием? — спросил Волков.

— Получают отчёт раз в неделю.

— Они приходят сюда?

Директор покачала головой.

— Отказались от личного присутствия. Не позволяет рабочий график.

— А после рождения?

— Ребёнок будет переведён в воспитательный центр. Родители выбрали программу дистанционного участия.

Волков долго смотрел на маленькую ладонь.

— Они хотели этого ребёнка?

— Конечно. Заявка была добровольной.

— Я спросил не о заявке.

Директор ничего не ответила. В соседнем ряду погасла ещё одна капсула. Не из-за смерти. Она просто была пуста, и система отключила ненужное освещение.

— За последние две недели мы получили восемь новых заявок, — тихо сказала директор.

— Для города с населением в четыре миллиона.

— Да.

— Сколько заявок отозвали?

— Одиннадцать. Люди решили, что ещё не готовы менять привычный образ жизни.

— Когда они будут готовы?

— В заявлениях написано: позже.

Волков усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Позже... Самое опасное слово в истории человечества.

Он ещё раз посмотрел на ребёнка. Тот не знал, что его появление уже стало исключением. Не знал, что вокруг него пустуют тысячи искусственных маток. Не знал, что взрослые называют его будущим, но всё реже хотят, чтобы это будущее наступало.

Домой Волков вернулся вечером. Город сиял миллионами огней. В окнах двигались люди, каждый из которых жил своей долгой, удобной и тщательно устроенной жизнью. На площади погасло ещё несколько этажей репродуктивного центра.

Волков сел за стол, открыл книгу и написал:

«Человечество оказалось на грани исчезновения не потому, что разучилось создавать жизнь. Напротив, оно научилось делать это почти безупречно. Но ни одна технология не смогла ответить на главный вопрос: зачем человеку нужен другой человек?»

Он остановился и перечитал написанное. Раньше этот вопрос казался бы нелепым. Человек был нужен человеку, чтобы выжить, вырастить детей, построить дом, разделить радость и выдержать горе. Теперь выживание обеспечивала система, детей создавали лабора-

тории, дом обслуживали машины, а одиночество снимали препаратами, виртуальными собеседниками и программами эмоциональной поддержки.

Человек впервые получил возможность обходиться без другого человека. И воспользовался ею.

Волков добавил ещё одну строку:

«Возможно, вид начинает умирать не тогда, когда рождается последний ребёнок. Возможно, это происходит раньше — в тот момент, когда никто больше не готов освободить в своей жизни место для другого».

Экран сообщил о новом событии.

— Репродуктивный центр номер сорок семь остановил работу, — произнесла система.

Волков закрыл глаза.

— Ещё один.

— Уточнение, профессор. За сегодняшний день остановлены три центра.

Он посмотрел на название книги, затем перевёл взгляд на вопрос, оставшийся на экране.

Зачем человеку нужен другой человек?

Ответа пока не было. Но Волков уже понимал: если человечество не найдёт его, никакая наука не сможет остановить вымирание.

— Значит, надо успеть, — тихо сказал он и продолжил писать.

Глава вторая

Правильный ребёнок

На следующее утро Алексей Сергеевич снова пришёл в репродуктивный центр. Директор встретила его в том же коридоре, где за прозрачными стенами тянулись ряды искусственных маток.

— Вы решили продолжить проверку? — спросила она.

— Нет. Я хочу увидеть, как люди принимают решение стать родителями.

Директор внимательно посмотрела на него.

— Хорошо. Как раз сейчас на консультацию пришла новая пара.

— Пойдёмте.

Она провела Волкова в наблюдательную комнату. За затемнённым стеклом находился небольшой кабинет, больше похожий на дорогой выставочный зал, чем на медицинское учреждение.

Перед панорамным экраном сидела молодая пара. Мужчину звали Максим, женщину — Ирина. Им обоим было около тридцати пяти лет.

На столе лежали тонкие браслеты идентификации. Рядом светила надпись: «Создание нового человека. Этап первый».

Напротив будущих родителей сидела консультант.

— Прежде чем начать, система должна получить ваше окончательное согласие, — сказала она. — После формирования эмбриона изменить основные параметры будет невозможно.

Максим и Ирина приложили ладони к браслетам. На экране появилась объёмная модель человеческого эмбриона.

— Вы уже определились с полом ребёнка? — спросила консультант.

— Мальчик, — сразу ответил Максим.

Ирина кивнула.

— Мальчик.

Консультант сделала отметку.

— Вы планируете отдать ребёнка в государственный интернат управления?

— Да, — ответил Максим.

Волков посмотрел на директора.

— Они даже не обсуждали.

- Обычно решение принимается заранее.
- Сколько заявок на девочек было в прошлом году?
- Восемь процентов.

Волков снова посмотрел через стекло. На экране возникли два силуэта — мальчика и девочки. Женский силуэт погас. Остался мужской.

- Подтвердите выбор, — произнесла система.
- Максим коснулся изображения.
- Выбор подтверждён.

Будущим родителям предложили выбрать цвет глаз, волос, предполагаемый рост, телосложение и особенности лица. Некоторые параметры система определяла автоматически, сравнивая генетические данные родителей. Другие можно было изменить.

- Карие глаза, — сказала Ирина. — Как у Максима.
- А волосы пусть будут светлее, — добавил он. — В моей семье почти все рано поседел.
- Раннее поседение можно исключить, — пояснила консультант.

На экране постепенно появлялось лицо будущего ребёнка. Максим попросил сделать подбородок более выраженным. Ирина изменила форму носа. Потом они долго выбирали оттенок глаз.

Волков наблюдал молча. Когда-то генетическое редактирование создавалось для борьбы с тяжёлыми заболеваниями. Учёные мечтали избавить детей от неизлечимых болезней, физических страданий и ранней смерти. Теперь родители выбирали форму носа.

— Перейдём к интеллектуальным параметрам, — сказала консультант. — Система предлагает несколько базовых направлений: инженерное, творческое, управленческое, военное и универсальное.

- Управленческое, — ответил Максим.
- Почему? — спросила Ирина.

— У него будет больше возможностей. Выпускников интерната управления сразу распределяют на хорошие должности.

- Но туда трудно попасть.
- Поэтому и нужно задать способности заранее.

Консультант сделала отметку.

- Рекомендуемый уровень аналитического мышления?

- Максимальный, — сказал Максим.

— Высокий уровень может снизить эмоциональную восприимчивость, — предупредила система.

- Насколько?

- Ребёнок будет хуже распознавать эмоциональные оттенки в поведении других людей.

Возможны трудности в формировании близких отношений.

Максим пожал плечами.

- Зато манипулировать им будет сложнее.

Ирина посмотрела на модель будущего сына.

- А можно сохранить эмоциональность?

— Можно, — ответила консультант. — Но тогда придётся немного снизить устойчивость к стрессу и способность принимать решения без колебаний.

- Что лучше для интерната управления?

— Сниженная эмоциональная зависимость, высокая стрессоустойчивость и способность быстро принимать рациональные решения.

- Тогда оставим так, — сказал Максим.

- Ты уверен? — спросила Ирина.

— Мы же хотим, чтобы он был успешным человеком, имел статус в обществе и пользовался уважением.

Она помолчала, а затем кивнула.

Волков отвернулся от стекла.

— Что вас беспокоит? — спросила директор.

— Они выбирают не ребёнка.

— А кого?

— Государственного чиновника. Должностное лицо, которое должно появиться через двадцать пять лет.

Директор ничего не ответила.

В кабинете продолжалось обсуждение. Будущие родители уменьшили склонность ребёнка к тревоге, повысили дисциплинированность и почти полностью исключили агрессивность.

— Рекомендуемый уровень привязанности к родителям? — спросила консультант.

Максим удивлённо поднял голову.

— Это тоже можно выбрать?

— В определённых пределах. Высокая потребность в родительском присутствии может осложнить адаптацию в воспитательном центре.

— Мы планируем отдать его в интернат с трёх лет, — сказал Максим.

— Тогда система рекомендует низкую эмоциональную зависимость.

Ирина впервые заметно заволновалась.

— А он будет нас любить?

Консультант улыбнулась профессиональной, спокойной улыбкой.

— Понятие любви не является измеряемым генетическим параметром. Мы можем определить способность к привязанности, доверию и эмоциональной зависимости.

— Тогда оставьте доверие, — сказала Ирина.

— А зависимость уменьшите, — добавил Максим.

На экране появилась новая отметка.

Волков открыл дверь и вошёл в кабинет. Директор попыталась остановить его, но он уже оказался рядом с будущими родителями.

— Простите, я думал, что консультация конфиденциальная, без посторонних, — сказал Максим. — Вы кто?

— Алексей Сергеевич Волков.

Мужчина сразу узнал его.

— Профессор Волков?

— Да.

Максим поднялся.

— Я не сразу вас узнал. Я читал о ваших исследованиях. Вы принимали участие в создании системы генетической защиты.

— Участвовал.

— Для нас большая честь встретиться с вами.

— Не торопитесь считать эту встречу честью.

В кабинете стало тихо. Волков посмотрел на лицо мальчика, которого ещё не существовало.

— Почему вы хотите ребёнка?

Максим и Ирина переглянулись.

— Станный вопрос, — сказал мужчина.

— И всё же.

— У всех нормальных семей должен быть ребёнок.

— Почему?

Максим нахмурился.

— Семья с ребёнком получает более высокий социальный коэффициент. Кроме того, после отмены пенсионной системы дети обязаны участвовать в обеспечении родителей.

— Значит, вам нужен человек, который будет содержать вас в старости?

— Не только поэтому.

— Тогда почему?

— Мы хотим продолжить семью, — ответила Ирина.

— Что именно вы хотите продолжить?

Она не нашлась с ответом.

Максим сел и сложил руки на груди.

— Профессор, мы выполняем всё, что рекомендует система. Выбираем ребёнку здоровье, способности и хорошее будущее. Что в этом плохого?

— Ничего.

— Тогда я вас не понимаю.

— Я тоже пытаюсь понять.

Волков указал на экран.

— Вы выбрали ему внешность, профессию, характер и даже степень привязанности к вам. Вы решили, в каком интернате он будет учиться и какую должность должен получить. Но вы ни разу не спросили, кем он захочет стать сам.

— Он ещё не существует, — сказал Максим.

— Именно поэтому за него так легко принимать решения.

— Мы хотим дать ему всё самое лучшее.

— Лучшее для него или для вас?

Максим резко поднялся.

— Вы обвиняете нас в эгоизме?

— Нет. Я задаю вопрос.

— Тогда задайте его прямо.

Волков посмотрел сначала на него, потом на Ирину.

— Что вы хотите?

Он немного помолчал и продолжил:

— Вы готовы любить ребёнка, если он окажется не таким, каким вы его заказали? Другим... Самим собой... Со своими уникальными способностями, желаниями и индивидуальностью. Со своими собственными взглядами на жизнь.

Никто не ответил.

На экране продолжало светиться лицо будущего мальчика. У него были карие глаза, светлые волосы и выраженный подбородок. Он выглядел спокойным, умным и уверенным. Правильным.

Консультант нарушила молчание:

— Генетическое отклонение от выбранных параметров составляет менее двух процентов.

Волков покачал головой.

— Я говорю не об отклонении в генах.

Ирина посмотрела на изображение сына.

— А что может пойти не так?

— Всё, — ответил Волков. — Он может не захотеть учиться в интернате управления. Может полюбить музыку. Может испугаться высоты. Может оказаться добрым там, где вы ждёте от него твёрдости. Может совершить ошибку. Может разочаровать вас.

— Но зачем тогда существует генетическое планирование? — спросил Максим.

— Чтобы ребёнок родился здоровым. Не для того, чтобы лишить его права стать собой.

Максим усмехнулся.

— Вы говорите красиво, профессор. Но мир устроен иначе. Если мы не подготовим сына к жизни, он проиграет тем, кого подготовили лучше.

— Возможно.

— И что вы предлагаете?

— Оставить в нём хоть что-нибудь, чего вы не выбирали.

Максим хотел возразить, но Ирина положила руку ему на плечо.

— Уберите управленческую специализацию, — сказала она консультанту.

— Ирина...

— Пусть будет универсальная.

— Тогда его шансы попасть в хороший интернат снизятся.

— Значит, выберет другой.

— Ребёнок не может знать, что для него лучше.

— А мы можем?

Максим посмотрел на жену и ничего не ответил.

Консультант вернула параметры к универсальному профилю.

— Уровень эмоциональной привязанности? — спросила она.

Ирина немного подумала.

— Оставьте естественный диапазон.

— Это увеличит потребность ребёнка в близком общении.

— Я понимаю.

— Ему будет сложнее адаптироваться к раннему интернату.

Ирина посмотрела на мужа.

— Тогда не будем отдавать его в три года.

Максим опустил глаза. Потом медленно сел и снова посмотрел на лицо будущего сына.

— Хорошо, — произнёс он. — Не будем.

Система пересчитала параметры. Изображение на экране едва заметно изменилось. Лицо осталось прежним, но Волкову показалось, что теперь в нём появилось что-то живое, хотя он понимал, что это всего лишь модель.

Вернувшись домой, Алексей Сергеевич открыл книгу и записал:

«Когда ребёнок превратился в заказ, родители перестали ждать чуда. Они начали ждать соответствия характеристикам».

Он перечитал фразу и добавил:

«Любовь начинается там, где человек принимает другого не за то, каким тот должен быть, а за то, каким он оказался».

Глава третья

Восемь процентов

Выйдя из репродуктивного центра, Алексей Сергеевич остановился на площади.

Мимо него проходила группа детей. Они шли, держась за руки. Их сопровождали два воспитателя и небольшой робот-наблюдатель, бесшумно двигавшийся над головами.

Волков насчитал двадцать три мальчика.

Девочка была одна.

Она шла почти в самом конце группы. Невысокая, худенькая, с тёмными волосами, заплетёнными в косичку.

Один из мальчиков что-то сказал ей. Девочка ответила, и вся группа засмеялась.

В этом смехе не было ничего необычного. Обычные дети, обычная прогулка, обычная ссора, которая через несколько минут будет забыта.

Необычным было другое.

Девочка среди них выглядела исключением.

Восемь процентов.

Именно эту цифру назвала директор центра.

Восемь процентов родителей выбирали девочек.

Остальные заказывали мальчиков.

Вернувшись домой, Волков сразу открыл демографическую статистику.

— Покажи соотношение рождённых мальчиков и девочек за последние пятьдесят лет.

В воздухе появилась диаграмма.

Пятьдесят лет назад девочки составляли сорок два процента новорождённых.

Сорок лет назад — тридцать семь.

Тридцать лет назад — двадцать девять.

Двадцать лет назад — восемнадцать.

В прошлом году — восемь.

Линия продолжала опускаться.

— Прогноз на следующие двадцать лет, — сказал Волков.

— При сохранении существующей тенденции доля девочек среди новорождённых составит менее трёх процентов.

— А через пятьдесят?

Система немного помедлила.

— Менее одного процента.

Волков смотрел на диаграмму и вспоминал девочку, шедшую в конце детской группы.

Через несколько десятилетий даже такое зрелище могло стать невозможным.

В тот же вечер Алексей Сергеевич получил приглашение на внеочередное заседание Всемирного демографического совета.

Совещание началось в девять часов утра.

В круглом зале находился двадцать один человек. Трое присутствовали лично, остальные подключились в виде объёмных изображений.

Председатель Совета открыл заседание без торжественных вступительных слов.

— Сегодня мы собрались для обсуждения важного и неотложного вопроса. Снижение рождаемости больше нельзя рассматривать отдельно от изменения полового состава населения.

Над столом появилась карта мира. Некоторые территории были окрашены в жёлтый цвет, другие — в красный.

— На этой карте красным обозначены регионы, в которых доля девочек среди детей младше десяти лет составляет менее пяти процентов, — пояснил председатель.

Почти половина карты была красной.

— Насколько это опасно для воспроизводства населения? — спросил один из участников.

— С биологической точки зрения прямой угрозы нет, — ответил руководитель репродуктивной программы. — Современные технологии позволяют создавать необходимые половые клетки из любого подходящего генетического материала. Для искусственного воспроизведения прежние соотношение мужчин и женщин не требуется.

— Значит, проблемы нет?

— Технической проблемы нет.

Волков поднял голову.

— А человеческая?

Все посмотрели на него.

— Объясните, профессор. Что вы имеете в виду? — сказал председатель.

— Мы обсуждаем женщин так, будто речь идёт об устаревшем элементе репродуктивной системы. Если наука позволяет обходиться без женщины, это ещё не означает, что без неё сможет обойтись общество.

— Общество приспосабливается, — возразил один из экспертов. — Оно всегда приспосабливалось к новым технологиям и прогрессу в целом.

— К чему именно оно должно приспособиться? К исчезновению половины человечества?

— Женщины не исчезнут полностью. Девочек можно планировать в репродуктивных центрах без каких-либо ограничений.

— Менее одного процента — это почти полное исчезновение.

Председатель остановил возникший спор движением руки.

— Нам нужны не эмоции, а причины. Почему родители выбирают мальчиков? Давайте рассматривать только факты. Эмоции оставим на потом.

Экономическая система вывела на экран список факторов.

На первом месте находился будущий доход ребёнка.

На втором — возможность поступления в престижный государственный интернат.

На третьем — социальный статус семьи.

На четвёртом — обязанность взрослого ребёнка обеспечивать родителей после прекращения ими трудовой деятельности.

— После отмены государственной пенсионной системы, — сказал экономист, — ребёнок стал частью семейной стратегии долгосрочного обеспечения. Родители считают, что сын принесёт семье больше материальных и социальных преимуществ.

— Они считают или система подтверждает это? — спросил Волков.

Экономист отвёл взгляд.

— В среднем доход мужчин действительно выше.

— Значит, родители делают более рациональный выбор.

— Получается, что так.

— Тогда почему мы удивляемся его последствиям?

— Необходимо увеличить выплаты семьям, выбирающим девочек, — предложил один из членов Совета. — Если изменить экономическую выгоду, изменится и поведение родителей.

— Вы предлагаете установить цену на девочку? Девочки подешевле, мальчики подороже? — спросил Волков.

— Я предлагаю восстановить равновесие.

— При помощи доплаты?

— При помощи субсидий и других стимулирующих инструментов. Если это сработает.

— Тогда девочек будут заказывать ради дополнительного социального коэффициента. Разве это решит проблему?

— Я очень уважаю ваши научные достижения, Алексей Сергеевич, и ценю ваш вклад в развитие человеческого общества. Но... что предлагаете вы?

Волков посмотрел на красные области карты.

— Перестать оценивать ребёнка по тому, какую пользу он принесёт родителям и государству.

В зале воцарилась тишина.

— Это философия, профессор, — произнёс экономист. — Нам нужны практические меры.

— Практические меры и привели нас сюда. Мы отменили пенсии и возложили обеспечение пожилых людей на их детей. Это было логично, так как государства больше не могли содержать пенсионные фонды. Мы усилили связь статуса родителей с достижениями ребёнка. Создали интернаты, распределяющие детей по будущим профессиям. И это тоже казалось

логичным. А затем разрешили родителям выбирать пол, способности и формировать характер ещё не родившегося человека.

— Всё это делалось ради повышения эффективности общества.

— Именно поэтому родители выбирают наиболее эффективного ребёнка.

Председатель нахмурился.

— Вы считаете, что государство само создало эту проблему?

— Не государство. Все мы. Государство лишь закрепило правила и создало законы, которые общество считало разумными.

— Но запрещать выбор пола уже поздно, — сказал руководитель репродуктивной программы. — Люди однозначно воспримут это как нарушение их основных прав.

— Кроме того, — добавил экономист, — запрет может ещё сильнее снизить количество заявок. Родители, которым не позволят выбрать мальчика, просто откажутся от ребёнка.

— Получается замкнутый круг, — сказал председатель.

— Нет, — ответил Волков. — Круг предполагает возвращение к началу. Мы движемся только в одну сторону.

На карте один из жёлтых регионов стал красным.

Система автоматически пересчитала данные.

— Какое решение мы можем принять сегодня? — спросил председатель.

Никто не ответил.

У человечества были технологии, способные создать ребёнка с заданной внешностью, интеллектом и характером.

Но не существовало технологии, способной заставить людей захотеть девочку.

После заседания Волков долго шёл по городу пешком.

Раньше он не обращал внимания на то, сколько мужчин встречает на улице. Теперь же невольно считал женщин.

За первые десять минут он увидел только двух.

Обе были уже немолоды.

Возле большого торгового центра стоял рекламный робот в образе молодой женщины в красивом вечернем платье. У него были длинные волосы, яркие глаза и мягкий, милый голос.

— Вам одиноко? — спрашивал робот у прохожих. — Персональный спутник адаптируется к вашему характеру, привычкам и эмоциональным потребностям.

Люди проходили мимо, почти не замечая рекламы.

Волков остановился.

Образ женщины ещё существовал.

Но сама женщина постепенно исчезала.

Её лицо сохраняли машины.

Её голос воспроизводили программы.

Её внешность использовали для рекламы, развлечений и обслуживания.

А настоящих женщин было всё меньше.

Дома Волков открыл свою книгу.

Некоторое время он смотрел на пустую страницу, затем написал:

«Когда общество назначило цену каждому человеческому качеству, пол ребёнка тоже превратился в экономический параметр».

Он перечитал написанное и добавил:

«Исчезновение женщин началось не тогда, когда их стало мало. Оно началось в тот момент, когда рождение девочки перестало восприниматься как радость и стало считаться невыгодным выбором».

На экране появилось новое уведомление.

— В Северном административном регионе обновлена демографическая статистика, — сообщила система.

— Что изменилось?

— В течение последних четырнадцати месяцев в регионе не было создано ни одного эмбриона женского пола.

Волков медленно снял очки и положил их на стол.

Четырнадцать месяцев.

Ни одной девочки.

Система воспринимала это как статистическое событие.

Но Волков понимал: речь шла не о цифрах.

В мире появилось место, где будущее больше не имело женского лица.

Глава четвёртая

Правильные решения

Через несколько дней после заседания Всемирного демографического совета Алексей Сергеевич приехал в Центральный государственный интернат управления.

Именно о таком интернате говорили Максим и Ирина, когда планировали будущее ещё не родившегося сына.

Здание находилось за городом. Огромное, светлое, окружённое геометрически ровными рядами деревьев, оно больше напоминало научный центр, чем школу.

На территории не было заборов и охраны. В них не нуждались. Система распознавала каждого человека ещё до того, как он приближался к главному входу.

Двери открылись.

— Добро пожаловать, профессор Волков, — произнёс спокойный голос. — Цель визита: наблюдение за образовательным процессом.

— Подтверждаю.

В холле его встретила директор интерната. На ней был строгий серый костюм без каких-либо украшений.

— Мы получили разрешение Совета, — сказала она. — Вы сможете посетить учебные корпуса, жилые помещения и присутствовать на занятиях. Однако вмешиваться в образовательный процесс запрещено.

— Даже если я захочу задать вопрос?

— Вопрос может изменить ход занятия.

— Разве обучение не предполагает вопросов?

— Все необходимые вопросы уже включены в программу.

Они пошли по длинному коридору.

Стены были светлыми и совершенно пустыми. Ни рисунков, ни фотографий, ни объявлений. Только номера помещений и тонкие световые линии, указывающие направление движения.

Навстречу им прошла группа детей.

Все были одеты одинаково. Одинаковые серые брюки, белые рубашки, тёмные куртки. Дети двигались спокойно, не разговаривали и не отставали друг от друга.

— Почему они молчат? — спросил Волков.

— Переход между занятиями длится три минуты. Разговоры снижают скорость перемещения.

— А когда им разрешается разговаривать?

— Для личного общения предусмотрено восемнадцать минут после ужина.

— Каждый день?

— Разумеется. Мы не ограничиваем естественную потребность детей в общении.

Волков посмотрел вслед удаляющейся группе.

Восемнадцать минут.

Система считала, что этого достаточно.

В учебной аудитории находились двадцать четыре ребёнка.

Учителя не было.

Дети сидели за отдельными столами, расположенными полукругом. Перед каждым в воздухе светился персональный экран.

В центре аудитории находилась объёмная модель города.

— Сегодняшняя задача посвящена распределению ограниченных ресурсов, — произнёс голос образовательной системы.

На модели появились два населённых пункта.

В первом жили восемьсот тысяч человек.

Во втором — шестьдесят тысяч.

— Из-за продолжительной засухи запасов воды недостаточно для обоих городов. Необходимо определить приоритетное направление поставок.

На персональных экранах появились данные о населении, промышленности, транспортной инфраструктуре и экономическом значении каждого города.

Дети сразу приступили к расчётам.

Через несколько минут система назвала имя ученика:

— Артём Соколов. Представьте решение.

Мальчик лет двенадцати поднялся.

— Воду необходимо направить в первый город. Численность его населения выше. Кроме того, там расположены предприятия, обеспечивающие двадцать три процента производства региона.

— Что произойдёт со вторым городом? — спросила система.

— Население следует эвакуировать.

— Транспортных ресурсов для полной эвакуации недостаточно.

Артём ненадолго задумался.

— Тогда необходимо эвакуировать специалистов, детей и людей трудоспособного возраста.

— А остальные? — неожиданно спросил Волков.

Директор посмотрела на него с неодобрением, но занятие не остановила.

Артём повернулся к профессору.

— Остальные жители будут обеспечены водой по минимальной норме.

— Этого недостаточно для выживания.

— Да.

— Значит, они погибнут?

— Вероятность их гибели составит семьдесят четыре процента.

— И ты считаешь это правильным решением?

— Да. Это самое эффективное решение. Оно позволяет сохранить наибольшее количество людей и экономическую устойчивость региона.

— А если во втором городе живут твои родители?

В аудитории стало тихо.

Артём посмотрел на Волкова без растерянности.

— Личные обстоятельства не должны влиять на принятие правильного решения.

— Ответ соответствует требованиям программы, — сообщила образовательная система.

На экране мальчика появилась зелёная отметка.

— А если существует третий вариант? — спросил Волков.

— В условиях задачи третьего варианта нет, — ответила система.

— В условиях задачи — нет. Но жизнь редко ограничивается теми вариантами, которые нам заранее предлагают.

Дети молчали.

Некоторые смотрели на Волкова с любопытством.

Для них мысль о том, что правильного ответа может не существовать, оказалась сложнее самой задачи.

После занятия директор провела Волкова в столовую.

Дети сидели по четверо, но почти не разговаривали. Каждый получал индивидуально рассчитанный набор продуктов. Система учитывала возраст, вес, физическую нагрузку и результаты последних медицинских обследований.

— Наши воспитанники полностью обеспечены всем необходимым, — сказала директор. — Качественное питание, медицинское наблюдение, лучшие образовательные программы. Здесь нет насилия, унижений или социального неравенства.

— Я этого не отрицаю.

— Тогда что вас беспокоит?

— Я пытаюсь понять, кем станут эти дети.

— Руководителями, администраторами, государственными служащими. Людьми, способными принимать решения.

— Правильные решения?

— Именно.

— Правильные для кого?

Директор остановилась.

— Для общества.

— Общество состоит из людей. А ваши воспитанники учатся видеть показатели, территории и проценты. Но видят ли они самих людей?

— Эмоциональная вовлечённость мешает объективности.

— Иногда мешает. А иногда не позволяет забыть, ради кого принимается решение.

Они поднялись в жилой корпус.

В комнатах стояли одинаковые кровати, столы и шкафы. Личных вещей почти не было. Несколько книг, спортивная форма и небольшие электронные панели, на которых дети могли хранить фотографии.

— Как часто воспитанники встречаются с родителями? — спросил Волков.

— Лично — два раза в год. Дистанционная связь разрешена один раз в месяц.

— Почему так редко?

— Частые контакты повышают эмоциональную зависимость и снижают адаптацию к коллективной жизни. Это предусмотрено программой развития и подтверждено практическими исследованиями.

— Они скучают?

— Первые месяцы. Потом привыкают.

— С какого возраста принимают детей?

— С трёх лет.

Волков представил трёхлетнего ребёнка, которого привозят в это огромное здание и оставляют среди пустых стен.

— Родители добровольно соглашаются на такие условия?

— Место в интернате управления повышает статус всей семьи. Конкурс составляет двенадцать человек на одно место.

— Значит, родители гордятся тем, что почти не видят собственного ребёнка?

— Они гордятся его будущим.

В коридоре Волков снова встретил Артёма.

Мальчик возвращался с занятия и нёс несколько электронных учебников.

— Алексей Сергеевич! Можно задать вам вопрос, профессор?

Директор хотела вмешаться, но Волков поднял руку.

— Конечно.

Артём посмотрел на обручальное кольцо на его руке.

— У вас есть жена?

Волков не ожидал такого вопроса.

— Нет.

— Почему вы продолжаете носить кольцо?

— Потому что я её помню.

— Воспоминание вызывает у вас отрицательные эмоции?

— Иногда.

— Тогда почему вы не хотите от него избавиться? Существуют программы коррекции травмирующих воспоминаний.

— Ты предлагаешь мне забыть жену?

— Не забыть. Уменьшить эмоциональную реакцию.

— Чтобы мне не было больно?

— Да.

Волков помолчал и посмотрел на мальчика.

— Когда ты был маленьким, ты скучал по родителям?

Артём задумался.

— У меня сохранилось одно воспоминание. Мама привезла меня сюда. На ней был красный шарф с запахом её духов. Она плакала.

— А ты?

— Тоже плакал.

— Хотел бы избавиться от этого воспоминания?

Мальчик долго молчал.

— Оно не помогает мне принимать решения.

— Я спросил не об этом.

Артём опустил глаза.

— Нет. Не хотел бы.

— Почему?

— Не знаю.

Волков положил руку ему на плечо.

— Потому что боль иногда остаётся единственным доказательством того, что мы любили.

Образовательная система сообщила, что Артём опаздывает на следующее занятие.

Мальчик попрощался и быстро пошёл по коридору.

Вечером Алексей Сергеевич записал в своей книге:

«Мы научили детей находить правильные решения, но забыли объяснить, ради кого эти решения принимаются».

Ниже он добавил:

«Человека нельзя подготовить к жизни, исключив из неё всё, что способно причинить боль. Вместе с болью он может потерять любовь, сострадание и самого себя».

Глава пятая

Удобная близость

После посещения интерната Алексей Сергеевич несколько дней не возвращался к своей книге.

Он снова и снова вспоминал Артёма.

Красный шарф.

Запах духов.

Мальчика, который не мог объяснить, почему не хочет избавляться от болезненного воспоминания.

Ответ был очевиден для Волкова, но не для ребёнка, воспитанного системой правильных решений.

На четвёртый день профессора пригласили выступить в городском университете. Тема лекции звучала нейтрально: «Демографические изменения и будущее человеческого общества».

Когда Волков вошёл в аудиторию, студенты поднялись.

Свободных мест почти не было.

Он посмотрел на сидящих перед ним молодых людей и машинально начал считать женщин.

Их было девять.

Мужчин — больше ста.

— Здравствуйте. Эту лекцию я хочу провести в формате диалога и живого общения.

Алексей Сергеевич включил экран. В воздухе появилась уже знакомая карта мира с красными регионами.

— За последние пятьдесят лет доля девочек среди новорождённых сократилась более чем в пять раз, — начал он. — Если существующая тенденция сохранится, через несколько десятилетий женщины станут редким исключением.

Один из студентов поднял руку.

— Профессор, но разве это угрожает существованию человечества? Для создания детей женщина больше не нужна.

— Для искусственного воспроизводства — не нужна.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что человек существует не только для воспроизводства.

В аудитории стало тихо.

— Женщина — не биологический механизм для рождения детей, — продолжил Волков. — И мужчина — не поставщик генетического материала. Если общество рассматривает людей только с точки зрения их практической функции, рано или поздно оно приходит к выводу, что живого человека можно заменить более удобным устройством.

— Но если устройство полностью удовлетворяет потребности человека, почему это плохо? — спросил другой студент.

— А какие именно потребности?

— Общение. Поддержка. Физическая близость.

— Любовь?

Студент усмехнулся.

— Любовь невозможно измерить.

— Значит ли это, что её не существует?

— Это значит, что нет доказательств её необходимости.

Волков посмотрел на молодого человека.

Таковыми же словами могла бы ответить любая образовательная система в интернате.

На экране появилось изображение из рекламы персонального спутника.

Молодая женщина с милым и безупречным лицом смотрела прямо в зал. Она улыбалась мягко и немного застенчиво — именно так, как предпочитал потенциальный владелец.

— Современный робот-партнёр способен изучить характер человека за несколько дней, — сказал Волков. — Он запоминает привычки, угадывает настроение, поддерживает разговор и никогда не создаёт конфликт без разрешения владельца.

— Разве это не преимущество? — спросил студент.

— Безусловно.

— Тогда почему человек должен выбирать настоящие отношения?

— Не должен.

Этот ответ удивил аудиторию.

— Технология никого не заставляла отказываться от людей, — продолжил профессор. — Она просто предложила более удобную альтернативу. Робот не спорит, не обижается, не требует внимания и не имеет собственных желаний. Рядом с ним человеку не нужно меняться.

— Значит, проблема не в роботах?

— Нет. Проблема в том, что мы начали считать любые сложности в отношениях неисправностью.

Одна из девушек подняла руку.

— Вы говорите так, будто женщины сами отказались от мужчин.

— Я этого не говорил.

— Но именно так обычно объясняют происходящее. Женщины выбрали карьеру, отказались от семьи и перестали рожать детей.

— Женщины не виноваты в том, что общество изменилось, — ответил Волков. — Они воспользовались возможностями, которые раньше были доступны преимущественно мужчинам. Получили образование, независимость и право самостоятельно определять свою жизнь. Это было справедливо.

— Тогда кто виноват?

— Я не ищу виноватых. Я пытаюсь понять последствия.

Девушка не опустила руку.

— Мужчинам предложили идеальных роботов. Женщинам сказали, что традиционная семья, в которой мужчина — глава семьи, ограничивает их свободу. Государство передало рождение детей лабораториям. Каждый шаг казался разумным. Но теперь вы говорите, что женщины исчезают.

— Именно поэтому происходящее так сложно остановить. Никто не совершил преступления. Никто не принимал решения уничтожить семью или отказаться от любви. Люди просто раз за разом выбирали более удобный и рациональный вариант.

— И что в этом неправильного?

— Возможно, ничего. Но удобство не всегда ведёт туда, куда мы хотели прийти.

— А любовь?

— Любовь почти никогда не бывает удобной.

После лекции к Волкову подошла женщина лет сорока пяти.

Она была одета в тёмный брючный костюм. Короткие волосы, удобная обувь, никаких украшений.

— Профессор Волков?

— Да.

— Анна Романова. Институт социальных отношений.

Алексей Сергеевич знал это имя. Анна руководила крупнейшим исследованием изменений семьи и партнёрских отношений.

— Вы сказали, что женщины исчезают, — произнесла она.

— Разве статистика говорит не об этом?

— Статистика говорит, что девочек создают всё реже. Но взрослые женщины пока существуют. Просто общество перестало их замечать.

Они вышли из университета и пошли по улице.

Мимо прошла молодая женщина в широкой куртке и брюках. Волков не сразу отличил её от сопровождавшего мужчины. Одежда, причёски и даже манера движения стали почти одинаковыми.

Навстречу им двигался рекламный робот в длинном голубом платье. Его волосы были уложены в сложную причёску, губы ярко накрашены, а движения подчёркнуто плавны.

Анна проводила его взглядом.

— Раньше женщины старались быть похожими на этот образ. Теперь так выглядят только машины.

— Почему?

— Настоящая женщина не хочет, чтобы её воспринимали как редкий товар. Женственность стала привлекать слишком много внимания. Проще выглядеть нейтрально.

— Получается, женщины отказались от женственности?

— Нет. Они отказались играть роль, которую за них написали другие.

Анна остановилась возле пешеходного перехода.

— Многие женщины живут одни. Некоторые создают семьи с женщинами. Не потому, что ненавидят мужчин, а потому, что так чувствуют себя безопаснее и свободнее. Мужчины, в свою очередь, всё чаще выбирают роботов-партнёров. Всем удобно.

— Кроме общества.

— Общество тоже довольно. Конфликтов меньше. Разводов почти нет. Производительность выросла.

— А одиночество?

— Да времени на эти сентиментальности у людей не осталось. Голова занята другим. К тому же одиночество научились лечить.

— Лечить лекарствами?

— Лекарствами, виртуальными собеседниками, программами эмоциональной поддержки.

Переход открылся, но они продолжали стоять.

— Вы считаете, что всё это можно изменить? — спросила Анна.

— Пока не знаю.

— Тогда зачем задаёте эти вопросы?

— Чтобы хотя бы назвать то, что мы потеряли.

Анна внимательно посмотрела на него.

— Сначала вам придётся понять, что именно это было.

Они проходили старый район города.

Когда-то здесь находились рестораны, театры и клубы знакомств. Теперь большинство заведений предлагало услуги виртуальных или роботизированных партнёров.

На фасадах светились объявления:

«Идеальная совместимость».

«Никаких конфликтов».

«Ваши желания — его характер».

«Спутник, созданный только для вас».

Лишь одно небольшое заведение отличалось от остальных. Над входом горела сдержанная надпись:

«Живое присутствие».

Рядом более мелкими буквами было написано:

«Только настоящие женщины. Без искусственной имитации».

— Это похоже на старинный бордель. Такие заведения ещё существуют? — спросил Волков.

— Существуют, — ответила Анна. — Но их осталось немного.

— Я думал, спрос должен быть огромным.

— Когда-то был. Теперь настоящая женщина считается дорогим и сложным развлечением. У неё есть настроение, желания и право отказать. Робот обходится дешевле и всегда соответствует ожиданиям клиента.

У входа никого не было.

— Владельцы называют это эксклюзивной услугой, — продолжила Анна. — Но даже обеспеченные люди всё реже готовы платить за непредсказуемость.

Волков посмотрел на ярко освещённые здания вокруг. В каждом из них можно было получить внимание, нежность и близость, не отдавая ничего взамен.

— Мы заменили отношения услугой, — сказал он.

— Нет, профессор. Сначала мы превратили отношения в обмен потребностями. А потом машины просто научились выполнять свою часть обмена лучше людей.

Дома Алексей Сергеевич открыл книгу и написал:

«Машина не отняла у человека любовь. Она предложила близость без риска, ответственности и необходимости понимать другого».

Он немного подумал и добавил:

«Люди выбрали не роботов вместо женщин и мужчин. Они выбрали удобство вместо отношений».

За окном светилась реклама молодой женщины в вечернем платье.

Она улыбалась каждому прохожему одинаково нежно.

И ни от кого ничего не ждала.

Глава шестая

Рай без будущего

На следующее утро Анна Романова прислала Волкову архивный файл.

Сообщение было коротким:

«Вы хотели понять, что мы потеряли. Возможно, сначала следует вспомнить один старый эксперимент».

Алексей Сергеевич открыл вложение.

На экране появилась видеозапись, сделанная почти два столетия назад.

Большое закрытое пространство. Несколько соединённых между собой отсеков. Многоярусные гнёзда, переходы, кормушки и поилки.

Внутри жили мыши.

У них было всё.

Неограниченное количество пищи.

Чистая вода.

Постоянная температура.

Отсутствие хищников, болезней и любой внешней опасности.

Экспериментаторы создали для животных идеальный мир.

Рай.

Вначале численность колонии быстро росла. Животные занимали новые гнёзда, создавали пары и заботились о потомстве.

Но со временем всё изменилось.

Самцы начали проявлять беспричинную агрессию. Некоторые самки перестали заботиться о детёнышах. Другие отказывались от спаривания.

Появилась отдельная группа животных, которые избегали любых контактов. Они хорошо питались, ухаживали за собой и почти не участвовали в жизни колонии.

Их шерсть оставалась чистой и красивой.

Исследователи называли их «красивыми».

Они не дрались.

Не создавали пары.

Не защищали территорию.

Не проявляли интереса к потомству.

Когда численность колонии начала сокращаться, условия оставались прежними. Пищи и воды по-прежнему было достаточно. Опасности не существовало.

Но размножение не возобновилось.

Последнее поколение животных состарилось и умерло.

Идеальный мир опустел.

Волков несколько раз просмотрел заключительные кадры.

Пустые гнёзда.

Полные кормушки.

Чистая вода.

И ни одного живого существа, которому всё это было бы нужно.

Через час Алексей Сергеевич позвонил Анне.

— Вы сравниваете человечество с мышьиной колонией?

— Нет, — ответила она. — Я предлагаю вам самому увидеть сходство.

— Люди не мыши.

— Разумеется. У человека есть разум, культура и способность понимать последствия своих поступков.

— Тогда почему вы прислали мне эту запись?

— Потому что результаты нашего последнего исследования почти полностью повторяют последовательность того эксперимента.

Перед Волковым появились таблицы.

Анна продолжила:

— Сначала общество устранило основные угрозы. Голод, тяжёлые заболевания, опасный физический труд. Затем люди получили гарантированное жильё, питание и медицинское обслуживание.

— Это достижения цивилизации.

— Я не спорю. Но вместе с опасностями исчезла необходимость объединяться ради выживания. Человек научился получать всё необходимое самостоятельно или при помощи системы.

— И перестал нуждаться в других людях.

— Не сразу. Сначала отношения стали необязательными. Потом неудобными. А затем начали восприниматься как источник лишних проблем.

На экране появилась новая диаграмма.

— Обратите внимание, — сказала Анна. — Чем выше уровень автоматизации и гарантированного обеспечения в регионе, тем ниже рождаемость.

— Корреляция ещё не доказывает причину.

— Конечно. Изобилие само по себе не уничтожает общество. В старом эксперименте существовали ограниченное пространство и нарушение социальных связей. Нельзя просто перенести его результаты на человека.

— Но вы всё же видите предупреждение.

— Да. Живому существу недостаточно пищи и безопасности. Ему необходимо понимать своё место среди других.

Волков задумался.

— Что происходит, когда человек больше никому не нужен?

— Он называет это свободой.

— А потом?

— Потом перестаёт понимать, зачем ему продолжать себя.

Анна вывела на экран название жилого комплекса:

«Эдем-12».

— Что это?

— Один из первых полностью автономных районов. Жильё, питание, медицина, развлечения и персональные помощники предоставляются всем жителям пожизненно.

— Рождаемость?

— За последние одиннадцать лет — ни одного ребёнка.

— Сколько там живёт людей?

— Почти четыре тысячи.

Волков закрыл архивный файл.

— Я хочу туда поехать.

«Эдем-12» находился в сорока километрах от города.

Комплекс состоял из нескольких высоких зданий, окружённых парком. Между деревьями проходили прогулочные дорожки. В искусственном озере плавали птицы. Воздух очищался климатической системой и пах свежей травой.

Волкова встретил управляющий комплексом.

— Наш район имеет самый высокий показатель качества жизни в регионе, — сообщил он. — Средняя продолжительность жизни составляет сто двадцать четыре года. Уровень преступности практически равен нулю.

— А уровень рождаемости?

Управляющий на секунду замолчал.

— Жители самостоятельно принимают решения, касающиеся продолжения рода.

— Одиннадцать лет без единого ребёнка — это тоже решение?

— Система не имеет права оценивать личный выбор граждан.

Они вошли в одно из зданий.

В просторном холле не было людей. Роботы убирали пол, ухаживали за растениями и доставляли заказы к квартирам.

— Где жители?

— В своих помещениях.

— Они не общаются друг с другом?

— Для общения существует внутренняя сеть.

Управляющий связался с одним из жильцов, согласившимся поговорить с профессором.

Илье Корину было тридцать девять лет. Он жил в просторной квартире с панорамными окнами. В гостиной работала виртуальная стена, изображавшая морское побережье.

— Я знаю вас, профессор, — сказал Илья. — Смотрел вашу лекцию.

— Полностью?

— Система подготовила краткое изложение.

На столе появился робот и поставил перед гостем чашку кофе.

— Вы довольны своей жизнью? — спросил Волков.

— Конечно. У меня есть всё необходимое.

— Чем вы занимаетесь?

— Изучаю музыку, путешествую в виртуальных мирах, поддерживаю физическую форму. Иногда участвую в исследовательских программах.

— У вас есть друзья?

— Есть постоянная группа общения.

— Вы встречаетесь лично?

— Зачем? В виртуальном пространстве можно выбрать любое место и не тратить время на дорогу.

— А семья?

— Мои родители живут в другом комплексе. Мы связываемся несколько раз в год.

— Я спрашивал о вашей собственной семье.

Илья улыбнулся.

— У меня есть персональный партнёр.

Из соседней комнаты вышла молодая женщина. Она поздоровалась с Волковым и села рядом с хозяином квартиры.

Алексей Сергеевич сразу понял, что это робот.

— Вы хотели бы ребёнка? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Ребёнок полностью изменит мою жизнь. Потребуется времени, внимания и постоянного присутствия. Мне придётся отказаться от многих возможностей.

— Но после вас что-нибудь останется?

Илья удивился.

— А почему после меня обязательно должно что-то остаться?

Всю обратную дорогу Волков молчал.

За окном транспортной платформы удалялись башни «Эдема».

Четыре тысячи человек.

Четыре тысячи отдельных жизней.

У каждого была квартира, еда, медицинское обслуживание, развлечения и персональный спутник.

Но за одиннадцать лет никто не захотел привести в этот мир ещё одного человека.

Вернувшись домой, Алексей Сергеевич снова открыл запись старого эксперимента.

Один из «красивых» самцов сидел в стороне от остальных животных. Он спокойно ел, чистил шерсть и не проявлял интереса к происходящему вокруг.

Волков вспомнил Илью.

Ухоженного.

Спокойного.

Довольного своей жизнью.

Сравнение было несправедливым. Человек не был лабораторным животным. Он мог осмыслить происходящее и изменить собственное будущее.

Но сначала ему нужно было захотеть его изменить.

Алексей Сергеевич открыл свою книгу и написал:

«Изобилие не уничтожило человека. Оно освободило его от необходимости обращаться к другому».

Он перечитал строку и добавил:

«Когда для выживания больше никто не нужен, любовь начинает казаться необязательной, семья — неудобной, а ребёнок — неоправданной ответственностью».

Волков посмотрел на ночной город.

Тысячи освещённых окон.

В каждом — отдельный мир.

На экране появилось сообщение от Анны:

«Добрый вечер, Алексей Сергеевич».

«Вы были в комплексе „Эдем“?»

«Увидели сходство?»

Он ответил:

«Да. Но человек отличается от мыши тем, что способен понять, почему его рай оказался пустым».

Немного подумав, Волков дописал ещё одну фразу:

«Настоящий рай — не место, где человеку никто не нужен. Это место, которое он хочет разделить с другим».

После этого Волков открыл следующую, чистую страницу своей книги, взял ручку и покрутил её в пальцах.

Он долго думал, но на этот раз так ничего и не написал.

За окном медленно гасли огни.

Город засыпал.

Безопасный.

Сытый.

Одинокий.

Глава седьмая

Государственные дочери

Утром Алексея Сергеевича разбудил настойчивый сигнал системы.

— Получено срочное приглашение на заседание Всемирного демографического совета.

Волков открыл глаза.

За окном ещё не рассвело.

— Когда заседание?

— Через два часа.

— Причина?

— Рассмотрение проекта экстренной демографической стабилизации.

В воздухе появился официальный документ.

Большая часть текста была закрыта до начала заседания. Волков смог прочитать только название:

«Программа восстановления естественного полового баланса».

Ниже стояла пометка:

«Высший уровень приоритета».

Когда Алексей Сергеевич вошёл в круглый зал Совета, почти все участники уже находились на своих местах.

На этот раз никто не присутствовал в виде объёмного изображения.

Личный сбор членов Совета означал, что решение считалось особенно важным.

Анна сидела в дальнем конце стола.

Волков не ожидал её увидеть.

Она едва заметно кивнула ему.

Председатель поднялся.

— За последние три месяца демографическая ситуация значительно ухудшилась. Ещё семь административных регионов вошли в красную зону. В двух из них доля девочек среди новорождённых составила менее половины процента.

Над столом появилась карта мира.

Красные области занимали почти две трети поверхности.

— Существующие меры неэффективны, — продолжил председатель. — Субсидии не привели к ожидаемому увеличению числа заявок на создание девочек. Предоставление дополнительных социальных льгот также не изменило выбор родителей.

— Люди не поверили, что льготы сохранятся до совершеннолетия ребёнка, — сказал экономист. — Кроме того, даже с учётом выплат мальчик по-прежнему считается более выгодным вложением.

— Вы опять говорите о детях как об инвестициях, — заметил Волков.

— Я говорю о мотивации родителей.

— Именно она и привела нас сюда.

Председатель посмотрел на Алексея Сергеевича.

— Сегодня мы собрались не для повторного обсуждения причин. Нам необходимо принять решение.

На экране появился новый документ.

«Программа „Дочери человечества“».

— Всемирный демографический совет предлагает создать международную систему искусственного воспроизводства девочек, не зависящую от частных заявок, — произнёс председатель. — Женские эмбрионы будут формироваться из материалов Всемирного генетического банка и передаваться под опеку государства.

Волков несколько секунд смотрел на документ.

— Вы хотите создавать детей без родителей?

— У каждого ребёнка будет законный опекун.

— Я спросил не об этом.

— Биологические родители для реализации программы не требуются.

Над столом появилась модель большого здания.

Светлые жилые корпуса.

Учебные помещения.

Медицинский центр.

Закрытая зелёная территория.

— Для воспитания девочек будут построены специализированные центры, — продолжил председатель. — Они получают лучшее образование, медицинское обслуживание и гарантированную государственную защиту.

— Защиту от кого? — спросила Анна.

— От возможного насилия, похищений и незаконного использования генетического материала. По мере сокращения числа женщин риски будут возрастать.

— Значит, вы собираетесь держать девочек в закрытых учреждениях?

— Это не учреждения закрытого типа.

— Они смогут свободно выходить?

Председатель ненадолго замолчал.

— До достижения совершеннолетия перемещение воспитанниц будет контролироваться службой безопасности.

— То есть нет, — сказала Анна.

Один из членов Совета раздражённо повернулся к ней.

— Госпожа Романова, речь идёт о выживании человечества.

— Человечество и без женщин способно воспроизводиться искусственно. Вы сами это утверждали.

— Речь идёт не только о воспроизводстве. Полное исчезновение женщин может привести к непредсказуемым социальным последствиям.

— Поэтому вы решили сохранить небольшое число женщин в специальных центрах?

— Мы решили восстановить равновесие.

Волков пролистал документ.

Программа была рассчитана на пятьдесят лет.

На первом этапе планировалось создать шестьдесят тысяч девочек.

На втором — двести тысяч.

Каждой воспитаннице присваивался специальный статус.

«Человек, имеющий стратегическое значение для демографической устойчивости».

— Стратегическое значение, — медленно повторил Алексей Сергеевич. — Вы понимаете, что написали?

— Формулировка необходима для предоставления государственной защиты, — объяснил юрист Совета.

— Нет. Эта формулировка определит всю их жизнь. Вы объявляете ребёнка государственным ресурсом ещё до его рождения.

— Мы объявляем его жизнь особенно ценной.

— Ценной для кого?

— Для всего человечества.

— А если девочка не захочет служить человечеству?

В зале стало тихо.

— Что вы подразумеваете под словом «служить»? — спросил председатель.

— Именно это я хотел бы узнать у вас.

Волков вывел на общий экран один из разделов программы.

В нём говорилось о сохранении генетического материала каждой воспитанницы, обязательных медицинских обследованиях и участии в долгосрочных репродуктивных исследованиях.

— Здесь сказано, что после достижения совершеннолетия женщины должны будут регулярно предоставлять генетический материал.

— Это стандартная медицинская процедура.

— Добровольная?

Юрист Совета открыл текст приложения.

— Отказ возможен после рассмотрения специальной комиссией.

— Значит, не добровольная.

— Государство вложит значительные средства в воспитание каждой участницы программы, — сказал экономист. — Общество вправе ожидать ответного вклада.

Анна усмехнулась.

— Вот мы и добрались до настоящей цели.

— Не передёргивайте мои слова.

— Вы хотите вырастить женщин за государственный счёт, а потом выставить им счёт за собственное рождение.

Председатель повысил голос:

— Достаточно. Мы обсуждаем единственную программу, способную сохранить женщин как часть человеческого общества.

— Нет, — ответил Волков. — Вы сохраняете женское тело. Но лишаете женщину права распоряжаться им.

— А что предлагаете вы, профессор? Ждать, пока не останется ни одной девочки?

— Я предлагаю понять, почему люди перестали их хотеть.

— На это нет времени.

— Тогда вы повторите ту же ошибку. Только теперь решение будет принято не отдельными родителями, а всем государством.

Председатель вернулся на своё место.

— Объясните.

— Сначала родители выбирали ребёнка по его предполагаемой пользе. Теперь Совет собирается создавать девочек потому, что они стали полезны обществу. Вы не изменили принцип. Вы лишь сменили заказчика.

Никто не ответил.

На экране продолжала вращаться модель будущего центра.

Красивые здания.

Зелёные дворы.

Светлые комнаты.

Всё необходимое для жизни.

Кроме свободы выбрать эту жизнь самостоятельно.

— Возможно, программа несовершенна, — сказал руководитель репродуктивной службы. — Но без неё через несколько десятилетий женщин практически не останется. Иногда приходится выбирать не между хорошим и плохим решением, а между плохим и катастрофическим.

Волков вспомнил Артёма.

Два города.

Ограниченный запас воды.

И третий вариант, которого не было в условиях задачи.

— Сколько времени вы работали над этой программой? — спросил он.

Председатель не ответил.

Вместо него заговорил руководитель репродуктивной службы:

— Предварительные расчёты начались семь лет назад.

— Семь лет?

— Мы обязаны были предусмотреть подобное развитие событий.

— Значит, всё это время вы знали, к чему движется общество?

— Мы рассматривали разные варианты.

— И ничего не сделали?

— Тогда программа не получила бы общественной поддержки.

— А сейчас получит?

Экономист вывел на экран результаты опросов.

— Семьдесят восемь процентов граждан поддерживают создание девочек за государственный счёт. Шестьдесят четыре процента считают необходимым ограничить их свободное перемещение ради безопасности. Пятьдесят девять процентов согласны с обязательным сохранением генетического материала.

Анна посмотрела на цифры.

— Люди готовы защищать женщин при условии, что женщины будут принадлежать им.

— Никто никому не будет принадлежать, — возразил председатель.

— Тогда уберите обязательные процедуры. Откройте центры. Дайте воспитанницам те же права, что и остальным детям.

— Это создаст угрозу их безопасности.

— Свобода всегда создаёт угрозу безопасности.

Председатель отключил экран с результатами опроса.

— Совет должен проголосовать сегодня.

— Когда начнётся создание эмбрионов? — спросил Волков.

В зале возникла короткая пауза.

Алексей Сергеевич посмотрел на руководителя репродуктивной службы.

Тот отвёл глаза.

— Когда? — повторил Волков.

— Подготовительный этап уже начат.

— Что это означает?

— В Центральном репродуктивном комплексе сформирована первая экспериментальная группа.

— Сколько?

— Триста эмбрионов.

Анна резко поднялась.

— Вы начали программу до решения Совета?

— Мы не могли терять время.

— Эти дети уже существуют? — спросил Волков.

— Процесс развития начался двенадцать дней назад.

Председатель заговорил быстро, словно хотел вернуть заседанию прежний порядок:

— Сегодняшнее голосование определит дальнейшее финансирование программы. Экспериментальная группа была создана в рамках действующих полномочий репродуктивной службы.

— Почему нас не уведомили?

— Информация имела ограниченный уровень доступа.

— Вы создали триста человеческих жизней и назвали это подготовительным этапом?

— Юридически эмбрионы ещё не обладают статусом граждан.

Волков медленно снял очки.

— Вот почему вам так легко принимать решения. Вы всегда находите момент, когда человек ещё не считается человеком.

Через час заседание завершилось.

Программа была одобрена.

За неё проголосовали восемнадцать членов Совета.

Трое выступили против.

Волков, Анна и руководитель отдела этического контроля.

Когда участники начали расходиться, председатель подошёл к Алексею Сергеевичу.

— Я надеюсь, со временем вы поймёте необходимость нашего решения.

— Я понимаю её уже сейчас.

— Тогда почему проголосовали против?

— Потому что необходимость не делает решение правильным.

— История рассудит нас.

— История не сможет вернуть этим девочкам детство.

Председатель ничего не ответил.

В коридоре Анна догнала Волкова.

— Я хочу увидеть их, — сказала она.

— Кого?

— Первую группу.

— Нас туда не пустят.

— Вас пустят. Вы один из создателей системы генетической защиты. Ваш уровень доступа выше, чем у большинства членов Совета.

Через два часа они находились в Центральном репродуктивном комплексе.

Директор учреждения встретил их у входа в лабораторный сектор.

— Посещение не было согласовано заранее.

Волков показал разрешение.

— Мой допуск позволяет проводить независимую проверку любой программы, использующей защищённый генетический материал.

Директор прочитал документ.

— Проверка возможна только при соблюдении режима стерильности.

— Мы согласны.

Они переоделись в защитные костюмы и прошли через несколько герметичных дверей.

За последней находился длинный тёмный зал.

По обеим сторонам стояли прозрачные камеры искусственного развития.

Внутри каждой камеры мерцал мягкий красноватый свет.

Триста камер.

Триста девочек.

Пока ещё настолько маленьких, что человеческий глаз не смог бы разглядеть их без увеличения.

На каждой камере светился номер.

F-0001.

F-0002.

F-0003.

Анна подошла к первой.

— У них есть имена?

— Имена будут присвоены после подтверждения жизнеспособности, — ответил директор.

— Кем?

— Системой.

— Родители обычно выбирали имя сами.

— У этих детей нет родителей.

Анна положила ладонь на прозрачную поверхность камеры.

— У каждого ребёнка есть родители. Иногда они просто отказываются ими быть.

Директор сделал вид, что не услышал.

Волков посмотрел на показатели первой камеры.

Развитие проходило нормально.

Генетические отклонения отсутствовали.

Прогнозируемый рост — сто семьдесят два сантиметра.

Цвет глаз — карий.

Интеллектуальный индекс — выше среднего.

Эмоциональная устойчивость — усиленная.

Склонность к сотрудничеству — высокая.

Уровень агрессии — сниженный.

— Вы уже изменили их характер, — сказал Волков.

— Параметры соответствуют условиям программы.

— Кто их утвердил?

— Экспертная комиссия.

— Почему снижена агрессия?

— Это уменьшит вероятность конфликтного поведения и облегчит адаптацию воспитанниц.

— Послушные женщины удобнее?

Директор нахмурился.

— Я бы не стал использовать подобную формулировку.

— Но использовали именно этот принцип.

— Профессор, эти дети будут жить в сложных условиях. На них станут обращать слишком много внимания. Повышенная эмоциональная устойчивость необходима для их же защиты.

— Вы лишили их права даже на собственный характер.

— Мы устранили возможные риски.

Волков смотрел на ряды камер.

Когда-то он участвовал в создании технологии, способной защитить ребёнка от наследственных болезней.

Потом эта технология научилась выбирать способности.

Внешность.

Темперамент.

Пол.

Теперь она создавала людей, предназначенных для выполнения исторической задачи.

Алексей Сергеевич подошёл к камере с номером F-0001.

На панели появилась увеличенная модель эмбриона.

Крошечное сердце уже начинало формироваться.

— Можно включить звук? — спросил он.

— На этом этапе сердечный ритм ещё нестабилен.

— Включите.

Директор коснулся панели.

В тишине раздались слабые, едва различимые удары.

Анна закрыла глаза.

Волков слушал.

Для системы это был биологический показатель.

Для Совета — подтверждение успешного начала программы.

Для человечества — первая из трёхсот попыток исправить собственную ошибку.

— Что будет, если программа не получит продолжения? — спросила Анна.

— Она уже получила продолжение, — ответил директор. — Голосование завершилось двадцать минут назад.

На всех камерах одновременно изменился цвет индикаторов.

Экспериментальный статус исчез.

Вместо него появилась новая надпись:

«Собственность Всемирной демографической программы».

Волков долго смотрел на эти слова.

Затем достал персональный блокнот и записал:

«Когда люди перестали хотеть дочерей, государство решило создать их само».

Он остановился, прислушиваясь к слабому биению сердца за прозрачной стенкой.

И добавил:

«Чтобы спасти женщин от исчезновения, человечество сначала лишило их права принадлежать самим себе».

Глава восьмая

Под защитой

Через пять дней после заседания программа «Дочери человечества» была представлена обществу.

Новость появилась одновременно на всех государственных каналах.

На экранах показывали светлые корпуса будущих воспитательных центров, зелёные дворы и просторные учебные аудитории.

Спокойный женский голос рассказывал о спасении человечества, восстановлении демографического равновесия и защите будущих поколений.

О трёхстах эмбрионах не сказали ни слова.

О принудительном сохранении генетического материала тоже.

Вместо слов «государственная собственность» использовалось выражение «особая общественная забота».

Большинство людей одобрило программу.

В социальных сетях появлялись сообщения:

«Наконец-то Совет начал действовать».

«Женщин необходимо сохранить».

«Будущее человечества важнее личных интересов».

«Государство обязано защищать тех, от кого зависит наше продолжение».

Некоторые предлагали пожизненно содержать женщин за общественный счёт.

Другие требовали запретить им опасные профессии.

Третьи считали, что женщинам следует ограничить поездки и обеспечить постоянное сопровождение.

За несколько дней общество решило, как должны жить люди, которых становилось всё меньше.

И почти никто не спросил об этом самих женщин.

Утром Волков получил сообщение от незнакомого отправителя:

«Профессор, вы говорили в университете, что женщина — не биологический механизм. Вы всё ещё так считаете?»

Он перечитал вопрос.

— Установить личность отправителя.

— Майя Лебедева, двадцать один год, студентка городского университета, — ответила система.

Алексей Сергеевич вспомнил девушку, спорившую с ним после лекции.

«Считаю», — написал он.

Ответ пришёл почти сразу:

«Тогда мне нужна ваша помощь».

Они встретились в небольшом кафе возле университета.

Майя сидела за дальним столиком. На ней была та же широкая тёмная куртка, в которой Волков видел её после лекции. Перед девушкой стояла нетронутая чашка кофе.

Рядом находилась Анна.

— Вы уже знакомы? — спросил Волков.

— Майя работает в моей исследовательской группе, — ответила Анна.

Девушка молча протянула ему персональный экран.

На нём находилось государственное уведомление:

«В связи с введением режима демографической защиты ваш гражданский статус был изменён».

Ниже появилась новая категория:

«Женщина репродуктивного возраста. Высокая демографическая значимость».

— Когда вы это получили? — спросил Волков.

— Вчера вечером.

— Какие ограничения предусмотрены?

Майя открыла приложение к уведомлению.

Для выезда за пределы административного региона требовалось специальное разрешение.

Посещение районов с повышенным уровнем опасности запрещалось.

Необходимо было раз в три месяца проходить медицинское обследование.

Система постоянно отслеживала местоположение женщины и показатели её здоровья.

— Вы можете отказаться? — спросил Волков.

— Я попыталась.

На экране появился ответ:

«Отказ невозможен, поскольку защитный статус предоставляется в интересах общества».

— Почему вы хотели выехать из региона?

— Мой отец живёт на севере. Ему назначили операцию. Я собиралась приехать к нему.

— Вам отказали?

— Запрос рассматривается до тридцати дней. Операция послезавтра.

Волков посмотрел на Анну.

— Этот закон приняли вместе с программой?

— Нет. Совет утвердил временное положение три дня назад. Без общественного обсуждения.

— Сколько женщин получили такой статус?

— Все в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет.

— Почему вы обратились ко мне? — спросил Волков у Майи.

— Ваше имя стоит под системой генетической защиты. Вы член Демографического совета. Вы можете подтвердить, что моя поездка не представляет опасности.

— Я проголосовал против программы.

— Но ваш допуск всё ещё действует.

В её голосе не было просьбы.

Только усталость.

Она привыкла доказывать системе, что имеет право распоряжаться собственной жизнью.

Волков открыл форму разрешения.

Для подтверждения поездки требовалось ответить на несколько вопросов.

Цель перемещения.

Продолжительность.

Уровень риска.

Наличие сопровождения.

Вероятность контакта с незарегистрированными гражданами.

Последний пункт назывался:

«Оценка возможного ущерба демографическим интересам общества».

— Какой ущерб вы можете причинить обществу поездкой к отцу? — спросил Волков.

— Наверное, могу попасть в аварию.

— В аварию может попасть любой человек.

— Но теперь моя жизнь оценивается дороже.

Она произнесла это без гордости.

Волков заполнил разрешение и подтвердил его своим кодом.

Система обработала запрос.

«Поездка разрешена при условии постоянного сопровождения сотрудником службы демографической безопасности».

— Я не хочу ехать с охранником, — сказала Майя.

— Без сопровождения система не пропустит вас через региональный терминал.

— Раньше я могла просто купить билет.

— Теперь вас защищают, — произнесла Анна.

Майя посмотрела на неё.

— От кого?

— От всех. Включая тебя саму.

На улице возле кафе остановился патрульный робот.

Он повернул оптический модуль в сторону окна, несколько секунд считывал лица посетителей, затем продолжил движение.

Майя застегнула куртку.

— Я не просила делать мою жизнь особенно ценной.

— Они считают, что ценность не зависит от вашего согласия, — сказал Волков.

— Тогда это не моя ценность. Это их собственность.

Она поднялась из-за стола.

— Спасибо за разрешение, профессор.

— Позвоните, если возникнут проблемы.

— Теперь проблемы будут возникать каждый раз, когда я захочу куда-нибудь пойти.

После её ухода Анна включила персональный экран.

— Это только начало.

— Что ещё приняли?

— Обязательную регистрацию генетического материала всех женщин моложе тридцати пяти лет.

- Для чего?
 - Официально — для сохранения наследственного разнообразия.
 - А неофициально?
 - Государство хочет получить резерв до того, как женщин станет слишком мало.
 - Без их согласия?
 - Согласие включено в условия получения медицинской страховки.
 - Значит, женщина может отказаться.
 - Если согласится потерять бесплатное лечение, жильё и социальный рейтинг.
- Волков откинулся на спинку кресла.
- Принуждение, оформленное как выбор.
 - Самая удобная форма принуждения.

На стене соседнего здания появилась реклама программы.

Маленькая девочка бежала по зелёному полю.

Навстречу ей шли улыбающиеся люди.

Над изображением светилась надпись:

«Сохраним её будущее вместе».

— У неё нет будущего, — тихо сказала Анна.

— Почему?

— Потому что ей уже выбрали всё настоящее.

В тот же день Волков потребовал созвать внеочередное заседание Совета.

Председатель отказал.

«Временное положение не относится к компетенции демографической комиссии. Решение принято службой общественной безопасности».

Алексей Сергеевич направил официальный протест.

Система зарегистрировала документ и сообщила, что ответ будет предоставлен в течение шестидесяти рабочих дней.

Тогда он опубликовал текст протеста в открытой сети.

Через час его прочитали больше миллиона человек.

Через два часа под публикацией появились десятки тысяч комментариев.

Одни поддерживали Волкова.

Другие обвиняли его в безответственности.

«Профессор ставит свободу отдельных женщин выше выживания человечества».

«Если женщин не защитить, через пятьдесят лет их не останется».

«Обязанности перед обществом есть у каждого».

«Когда мужчин отправляли на опасные работы, никто не спрашивал их согласия».

«Женщины получили привилегии и всё равно недовольны».

К вечеру государственный канал предложил Волкову принять участие в открытой дискуссии.

Анна советовала отказаться.

— Это будет не разговор, — сказала она. — Им нужен человек, которого можно обвинить в сопротивлении спасению человечества.

— Если я откажусь, они скажут, что мне нечего ответить.

— Они всё равно это скажут.

— Тогда пусть скажут после того, как услышат ответ.

Передача началась в восемь часов вечера.

В студии находились представитель службы демографической безопасности, руководитель репродуктивной программы и молодая женщина по имени Елена Морозова.

Ведущий представил её как сторонницу новых мер.

— Елена, вы получили защитный статус? — спросил он.

— Да.

— Что вы почувствовали?

— Я поняла, что государство наконец осознало ценность женщин.

— Ограничения вас не беспокоят?

— Безопасность требует ответственности. Мы все должны чем-то жертвовать ради будущего.

Ведущий повернулся к Волкову.

— Профессор, почему вы выступаете против защиты женщин?

— Я не выступаю против защиты.

— Но вы потребовали отменить новые правила.

— Потому что защита, от которой человек не может отказаться, называется контролем.

Представитель службы безопасности вмешался:

— Ограничения имеют временный характер.

— На какой срок?

— До стабилизации демографической ситуации.

— По вашему собственному прогнозу, это займёт не менее пятидесяти лет.

— Возможно, меры будут пересмотрены раньше.

— Кем?

— Уполномоченными государственными органами.

— А самими женщинами?

— Решения такого уровня не могут приниматься отдельной группой населения.

Ведущий обратился к Елене:

— Вы считаете ограничения справедливыми?

— Да. Женщин становится мало. Мы должны понимать свою ответственность.

— Вы готовы предоставить государству генетический материал?

— Уже предоставила.

— Добровольно?

Елена замялась.

— Это была стандартная медицинская процедура.

— Вы могли отказаться? — спросил Волков.

— Мне объяснили, что отказ снизит мой социальный рейтинг.

— Значит, вы согласились не потому, что хотели?

— Я понимаю необходимость этой меры.

— Это не ответ.

Ведущий остановил спор.

— Профессор, вы постоянно говорите о личной свободе. Но существует ли свобода без ответственности перед обществом?

— Нет.

— Тогда почему женщина не должна принять дополнительные обязанности, если от неё зависит будущее человечества?

— Потому что женщина не обязана расплачиваться своим телом за ошибки, совершённые всем обществом.

В студии стало тихо.

— Но если другого решения нет? — спросил руководитель репродуктивной программы.

— Вы снова предлагаете только два варианта. Контроль или исчезновение.

— Третьего варианта пока никто не представил.

— Это не означает, что его не существует.

— Сколько времени вы предлагаете потратить на поиски?

— Столько, сколько потребуется, чтобы спасение человека не потребовало отнять у него право быть человеком.

Представитель службы безопасности вывел на экран статистику нападений на женщин. За последний год их число действительно выросло.

Случаи преследования.

Попытки похищений.

Незаконный сбор биологического материала.

Продажа поддельных разрешений на партнёрство.

— Вы предлагаете игнорировать реальные угрозы? — спросил он.

— Нет. Ловите преступников.

— Мы предотвращаем преступления.

— Запирая потенциальных жертв?

— Обеспечивая их безопасность.

— Если человек не может свободно выйти из дома, разница между охраной и заключением зависит только от того, с какой стороны двери находится замок.

Ведущий объявил короткий перерыв.

К Волкову подошла Елена.

Без камер она выглядела растерянной.

— Вы выставили меня глупой.

— Я не хотел.

— Я действительно поддерживаю программу.

— Это ваше право.

— Тогда почему вы не верите моим словам?

— Я верю, что вы хотите чувствовать себя в безопасности. Но не уверен, что вы сами выбрали цену.

Елена посмотрела на сотрудников студии.

— После того как я получила новый статус, мне предоставили квартиру в защищённом районе. Повысили социальный коэффициент. Моя мать получила дополнительное медицинское обслуживание.

— А что будет, если вы откажетесь от участия в программе?

— Всё отменят.

— Поэтому вы пришли сюда?

Она не ответила.

Начался обратный отсчёт до продолжения передачи.

Елена вернулась на своё место.

Во второй части зрителям предложили проголосовать.

«Поддерживаете ли вы временное ограничение свободы женщин ради сохранения человечества?»

Результат появился через несколько минут.

«Да» — восемьдесят два процента.

«Нет» — восемнадцать.

Ведущий посмотрел на Волкова.

— Общество сделало выбор.

— Общество выбрало ограничения для других людей.

— Разве большинство не имеет права определять общее будущее?

— Имеет. Но большинство особенно легко жертвует свободой тех, к кому само не принадлежит.

После передачи Анна и Волков вышли через служебный вход.

Возле здания стояла небольшая группа женщин.

Они молчали.

У каждой на одежде была прикреплена белая лента.

На лентах были написаны имена.

Мария.

Ирина.

София.

Наталья.

Ольга.

Не номера.

Не генетические коды.

Не категории демографической значимости.

Имена.

Одна из женщин подошла к Волкову и протянула ему белую ленту.

На ней было написано:

«Елена».

— Она попросила передать это вам после программы, — сказала женщина.

Волков посмотрел на вход в здание.

Елена не вышла.

— Где она?

— Сотрудники безопасности предложили ей другой выход. Для её же защиты.

Над площадью медленно двигались патрульные роботы.

Они фиксировали лица, проверяли документы и отмечали перемещения каждой женщины.

На персональном экране Волкова появилось уведомление:

«Несанкционированное собрание. Рекомендуются покинуть территорию».

Женщины продолжали стоять.

Без лозунгов.

Без криков.

Просто рядом друг с другом.

Анна взяла белую ленту и прикрепила её к своему костюму.

На ней было написано её имя.

Один из патрульных роботов приблизился.

— Гражданка Романова, проследуйте в безопасную зону.

— Я уже нахожусь там, где хочу быть.

— Ваше местоположение не соответствует рекомендациям службы демографической безопасности.

— Мне сорок пять лет. Защитный статус на меня не распространяется.

Робот на секунду замолчал.

— Получено обновление законодательства.

Перед Анной появился электронный документ.

Возрастное ограничение было отменено.

Теперь особый статус присваивался всем женщинам независимо от возраста.

На персональном экране Анны возникла новая отметка:

«Высокая демографическая значимость».

Робот повторил:

— Проследуйте в безопасную зону.

Анна посмотрела на Волкова.

— Поздравляю, профессор. Теперь государство считает меня достаточно ценной, чтобы не спрашивать моего мнения.

Волков оглядел площадь.

На карте системы женщины обозначались светящимися точками.

Их было немного.

Настолько немного, что государство могло наблюдать за каждой.

Алексей Сергеевич открыл блокнот и написал:

«Сначала женщину перестали видеть. Потом заметили, что она исчезает. И тогда решили больше никогда не выпускать её из виду».

Он посмотрел на белые ленты с именами.

И добавил:

«Самая прочная клетка строится не из страха. Она строится из заботы, от которой нельзя отказаться».

Глава девятая

Очередь на любовь

Через две недели после введения защитного статуса государство объявило о создании Единой системы партнёрских отношений.

Официальная презентация начиналась словами:

«Каждый человек имеет право на отношения».

Волков смотрел трансляцию у себя дома.

На экране появлялись улыбающиеся мужчины и женщины. Они гуляли по парку, сидели за одним столом, держались за руки.

Все пары выглядели счастливыми.

Все женщины были настоящими.

— Новая система обеспечит справедливый и безопасный порядок формирования человеческих союзов, — сообщил ведущий. — Мужчины получают равные возможности для знакомства, а женщины будут защищены от нежелательного внимания.

Алексей Сергеевич остановил запись.

— Покажи полный текст программы.

— Документ содержит четыреста восемьдесят семь страниц, — ответила домашняя система.

— Открой раздел о порядке выбора партнёров.

Перед Волковым появился список требований.

Мужчина, желающий познакомиться с женщиной, должен был подать официальную заявку.

Система учитывала его здоровье, интеллект, доход, профессию, социальный рейтинг и прогнозируемую способность содержать семью.

Отдельно оценивалась генетическая совместимость.

Затем заявителю присваивался партнёрский коэффициент.

Чем выше был коэффициент, тем раньше женщина видела его предложение.

Заявки мужчин с низкими показателями могли вообще не дойти до адресата.

— А женщина может самостоятельно выбрать мужчину? — спросил Волков.

— Да.

— Любого?

Система немного помедлила.

— Выбор кандидата с низким партнёрским коэффициентом потребует дополнительного подтверждения осознанности решения.

— Кем?

— Комиссией по безопасности партнёрских отношений.

Волков снял очки.

Общество снова нашло удобное решение.

Женщине оставили право выбора.

Но заранее определили, кого ей разрешено выбирать.

На следующий день возле его дома ждал мужчина лет тридцати пяти.

Он стоял у входа, держа в руках старую бумажную книгу.

Когда Волков подошёл, мужчина выпрямился.

— Алексей Сергеевич?

— Да.

— Здравствуйте. Можно с Вами поговорить? Это не займёт много времени.

— Да. Чем могу помочь?

— Меня зовут Сергей Орлов. Я часовщик из часовой мастерской напротив.

— Да, я вас знаю. Я заходил к вам в мастерскую.

— Я подал заявку на участие в партнёрской программе.

— И получили отказ?

— Хуже. Меня поставили в очередь.

— На какой срок?

— Предполагаемое время ожидания — сорок три года.

Волков посмотрел на него внимательнее.

Сергей был аккуратно одет. Говорил спокойно. На первый взгляд в нём не было ничего, что могло бы вызвать подозрение системы.

— Почему так долго?

— Низкий приоритет.

— У вас есть судимости?

— Нет.

— Заболевания?

— Нет.

— Социальные нарушения?

— Два года назад я уволился из государственной компании и открыл частную мастерскую. Из-за этого мой рейтинг снизился.

— Семья?

— Родители умерли. Детей нет.

— Почему вы не пользуетесь услугами роботизированного партнёра?

Сергей посмотрел на книгу в своих руках.

— Пользовался.

— Вас что-то не устроило?

— Устраивало всё.

Он произнёс это с горькой улыбкой.

— Она всегда знала, когда нужно помолчать. Готовила любимую еду. Слушала мои рассказы о работе. Никогда не обижалась. Ни упрёков, ни скандалов, секс по желанию. В общем, идеальная. Почти.

— Тогда почему вы отказались?

— Однажды я спросил, любит ли она меня.

— Что она ответила?

— Что её основная функция — обеспечивать моё эмоциональное благополучие.

— Честный ответ.

— Да... После этого я больше не мог смотреть на неё. Она пустая...

Сергей раскрыл книгу и протянул её Волкову.

Это был старый бумажный сборник стихов.

Страницы пожелтели, углы обложки стёрлись.

— Моя мать когда-то подарила эту книгу отцу. Они всю жизнь любили друг друга. Вот, здесь есть её подпись.

На первой странице было нарисовано сердечко, и в нём неровным почерком было написано:

«Любимому Серёже от любящей жены».

— Стихи о любви. «Я помню чудное мгновенье...» Александр Пушкин.

— Да... Хочу встретить человека, которому смог бы её подарить. Понимаете меня?

Волков задумчиво кивнул.

— Я понимаю. Но почему вы пришли именно ко мне?

— После вашей передачи мне показалось, что вы понимаете разницу между близкими отношениями и обслуживанием.

— Понимать недостаточно.

— Но, может быть, вы сможете задать Совету ещё один неудобный вопрос.

— Какой?

Сергей посмотрел на окна соседнего дома.

За одним из них виднелся силуэт роботизированной женщины.

— Что делать мужчинам, которые хотят построить семью, но их никто не выберет?

В тот же день Волков встретился с Анной в Институте социальных отношений.

Она уже изучала новую программу.

— За первые сутки подано больше восьмидесяти миллионов заявок, — сказала Анна.

— Сколько женщин зарегистрировалось?

— Около ста двадцати тысяч.

— Почти семьсот мужчин на одну женщину.

— В среднем. Молодые женщины получают десятки тысяч предложений.

Анна открыла профиль Майи Лебедевой.

С момента запуска программы ей поступило одиннадцать тысяч четыреста восемьдесят семь заявок.

— Она их видела?

— Первые двадцать. Потом отключила уведомления.

— Может удалить профиль?

— Это невозможно. Защитный статус автоматически включает женщину в систему.

— Даже без согласия?

— Формально это не регистрация для поиска партнёра. Система лишь предоставляет возможность получать предложения.

— Которой нельзя отказаться.

— Именно.

В кабинет вошла Майя.

За ней следовал сотрудник службы демографической безопасности.

Он остановился возле двери.

— Он теперь всегда с вами? — спросил Волков.

— До конца поездки, — ответила девушка. — Я вернулась сегодня утром.

— Как ваш отец?

— Операция прошла хорошо.

— Вы успели?

— Да. Благодаря вашему разрешению.

Она села рядом с Анной.

— По дороге я получила одиннадцать тысяч предложений познакомиться. Один мужчина обещал построить для меня дом. Другой прислал расчёт будущего дохода наших детей. Третий сообщил, что его генетический материал входит в лучшие два процента населения.

- Были угрозы? — спросил Волков.
- Пока нет. Но некоторые пишут так, будто я уже обязана выбрать одного из них.
- Вы можете пожаловаться.
- На что? Они пользуются государственной системой.
- Анна открыла список кандидатов.
- Возле каждого имени находился коэффициент.
- Интеллект.
- Доход.
- Здоровье.
- Статус.
- Генетическая ценность.
- Эмоциональная стабильность.
- Вероятность успешного союза.
- Они превратили людей в каталог, — сказал Волков.
- Каталог был и раньше, — ответила Анна. — Теперь его объявили государственным.
- Майя провела пальцем по списку.
- Здесь нет самого главного.
- Чего?
- Человека... Я не знаю, как человек смеётся. Как молчит. Как смотрит, когда ему страшно. Способен ли он остаться рядом, когда это невыгодно.
- Для системы такие показатели недостаточно объективны, — сказала Анна.
- Сотрудник службы безопасности сделал шаг вперёд.
- Гражданка Лебедева, продолжительность незапланированной остановки превышена.
- Я ещё не закончила.
- Согласно маршруту, вы должны прибыть домой через двенадцать минут.
- Измените маршрут.
- Изменение требует подтверждения.
- Майя посмотрела на Волкова.
- Вот так теперь выглядит моя жизнь. Я могу выбирать среди одиннадцати тысяч мужчин, но не могу решить, сколько времени провести в этом кабинете.
- Волков подошёл к сотруднику.
- Я подтверждаю продление встречи.
- Ваши полномочия не распространяются на изменение маршрута защищаемого лица.
- Тогда чьи распространяются?
- Дежурного координатора службы безопасности.
- Свяжитесь с ним.
- Среднее время ожидания ответа составляет сорок минут.
- Майя рассмеялась.
- В её смехе не было веселья.
- Мне разрешат задержаться на двадцать минут, если я подожду сорок.
- Анна закрыла профиль девушки.
- Иди домой. Мы продолжим завтра.
- Конечно. Если мне согласуют маршрут.
- Когда Майя вышла, Волков некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь.
- Что происходит с мужчинами, которым система присваивает низкий коэффициент?
- спросил он.
- Ничего не происходит. Большинству мужчин вообще не нужны женщины. Они регистрируются просто для развлечения. Остальные возвращаются к роботизированным партнё-

рам. Некоторые пытаются повысить статус. Меняют работу, проходят психологическую коррекцию, редактируют внешность.

— Да, картина печальная.

— А ещё...

Анна вывела на экран карту нарушений.

— Создают нелегальные клубы знакомств. Покупают чужие идентификаторы. Пытаются приблизиться к женщинам без разрешения.

— Нападения участились?

— Да.

— Значит, государство получило доказательство необходимости усилить охрану.

— Получается замкнутый круг.

— Нет, — сказал Волков. — Круг предполагает возвращение к началу.

Анна посмотрела на него.

— Вы уже говорили это.

— Потому что мы по-прежнему движемся только в одну сторону.

Через несколько дней Алексея Сергеевича пригласили на обсуждение партнёрской программы.

Заседание проходило в Министерстве социальной устойчивости.

За столом сидели демографы, психологи, специалисты по безопасности и разработчики алгоритма совместимости.

На центральном экране отображались первые результаты.

Количество официально зарегистрированных союзов выросло на восемь процентов.

Число обращений к роботизированным партнёрам снизилось на два процента.

Количество попыток несанкционированного знакомства увеличилось почти в три раза.

— Переходный период всегда сопровождается трудностями, — заявил руководитель программы. — Мужчинам необходимо привыкнуть к установленному порядку.

— К ожиданию длиной в сорок лет? — спросил Волков.

— Срок зависит от личного коэффициента.

— То есть человек с высоким доходом получит возможность познакомиться раньше?

— Доход подтверждает способность обеспечить партнёршу и возможного ребёнка.

— А высокий социальный статус?

— Свидетельствует о надёжности кандидата.

— Вы продаёте место в очереди на женщину.

— Никто не продаёт женщин.

— Тогда что получает мужчина с высоким коэффициентом?

— Приоритетное право направить предложение.

— А мужчина с низким?

— Возможность повысить показатели.

— Чтобы заслужить право быть замеченным?

Руководитель программы раздражённо сложил руки.

— Профессор, общество требует справедливого решения. Женщин мало. Мужчин много. Возможности знакомства не могут быть одинаковыми для всех.

— Тогда не называйте это равным правом на близость.

Один из разработчиков включил модель распределения.

— Алгоритм минимизирует вероятность конфликтов и распада союзов. Он предлагает женщине только тех мужчин, которые соответствуют её потребностям.

— Кто определяет её потребности?

— Система анализирует личность, привычки, образование и жизненные цели.

— А если женщина хочет выбрать человека, которого алгоритм считает неподходящим?

- Она может подать запрос на пересмотр.
- Сколько таких запросов одобрено?
- Разработчик посмотрел на статистику.
- Одиннадцать процентов.
- Значит, система отклоняет девять решений из десяти?
- Если они несут высокий риск.
- Для кого?
- Для женщины.
- А если она любит мужчину и готова принять этот риск?
- Человек не всегда способен объективно оценить последствия эмоционального решения.

ния.

Волков медленно кивнул.

— Поэтому вы решили защитить женщину даже от любви.

В зале послышались недовольные голоса.

— Любовь не является измеримым основанием для создания устойчивого союза, — сказал психолог.

— Что является?

— Совместимость.

— А если два совместимых человека не любят друг друга?

— Эмоциональная привязанность может сформироваться со временем.

— А если не сформируется?

— Союз всё равно способен выполнять социальные и демографические функции.

Волков посмотрел на сидящих за столом людей.

— Вы обсуждаете отношения так, будто проектируете транспортную систему.

— Отношения слишком важны, чтобы оставлять их случаю, — ответил руководитель программы.

— Именно поэтому в них больше не осталось места человеку.

После заседания к Волкову подошла молодая сотрудница министерства.

— Профессор, подождите.

Она убедилась, что рядом никого нет, и передала ему электронный файл.

— Что это?

— Отклонённые запросы на самостоятельный выбор партнёра.

— Почему вы отдаёте их мне?

— Потому что система удалит данные через три дня.

— Вы нарушаете закон.

— Знаю.

— Зачем?

Женщина посмотрела на камеры наблюдения.

— Среди этих запросов есть мой.

Волков открыл файл.

Имя женщины — Вера Самойлова.

Возраст — тридцать два года.

Выбранный партнёр — Михаил Громов.

Партнёрский коэффициент мужчины находился ниже допустимого уровня.

Причины отказа:

«Нестабильный доход».

«Повышенная эмоциональная импульсивность».

«Недостаточная социальная предсказуемость».

«Риск формирования неэффективного семейного союза».

— Кто он? — спросил Волков.

— Реставратор старинных зданий.

— Вы давно знакомы?

— Уже семь лет.

— Почему не зарегистрировали отношения раньше?

— Нам это было не нужно. Мы просто жили вместе.

— А теперь?

— После введения защитного статуса Михаила не пропускают в мой район. Наши встречи считаются несанкционированными.

— Вы пытались обжаловать решение?

— Уже три раза.

— Что ответила комиссия?

— Мне предложили мужчин с более высоким коэффициентом.

Вера включила сообщение системы.

«Ваш выбор может быть обусловлен эмоциональной зависимостью и не соответствовать вашим долгосрочным интересам».

— Вы зависимы от Михаила? — спросил Волков.

— Да.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Я очень скучаю по нему, постоянно думаю о нём. Боюсь его потерять. Он мне очень дорог. Если это называется зависимостью, значит, я зависима.

— А он?

Вера улыбнулась.

— Вчера попытался пройти через контрольный пункт с цветами и чужим разрешением. Его задержали.

— Где он сейчас?

— В центре профилактической коррекции.

— За попытку увидеть вас?

— За нарушение режима демографической безопасности.

Вера сжала руки.

— Система утверждает, что защищает меня от опасного мужчины. Но единственный человек, который мне дорог, которого я боюсь потерять, теперь считается угрозой.

Волков сохранил файл.

— Я постараюсь помочь.

— Вы уже помогли.

— Чем?

Вера снова улыбнулась.

— Выслушали меня, не проверяя наш коэффициент совместимости.

Вечером Алексей Сергеевич нашёл Сергея Орлова в той же часовой мастерской напротив его дома.

Мужчина ремонтировал старые механические часы.

На столе лежали крошечные шестерёнки, пружины и стрелки.

Сергей отложил инструмент. Встал и протянул руку.

— Рад видеть вас, Алексей Сергеевич. Вы задали мой вопрос?

— Да.

— И что?

— Вам предложено повысить партнёрский коэффициент.

— Я уже получил рекомендации. Вернуться в государственную компанию. Пройти курс эмоциональной стабильности. Удалить часть воспоминаний, вызывающих склонность к одиночеству.

— Вы согласитесь?

— Нет.

— Тогда очередь останется прежней.

Сергей взял часы и завёл механизм.

В тишине раздалось тихое тиканье.

— Знаете, почему я люблю старые часы? — спросил он. — Они несовершенны. Спешат. Отстают. Иногда останавливаются. Но, если тратишь время и понимаешь, как они устроены, снова начинают работать.

— Люди не часы.

— Конечно. Часы можно починить.

Сергей открыл ящик стола.

Внутри лежала книга, которую он показывал Волкову.

— Наверное, отец просто встретил мать, когда женщин было ещё много.

— Возможно.

— Ему не пришлось доказывать алгоритму, что он достоин с ней заговорить.

— Но пришлось доказать это ей самой.

Сергей задумался.

Потом улыбнулся.

— Наверное, это было сложнее.

— И важнее.

Поздно вечером Волков вернулся домой.

На экране его ждали десятки сообщений от мужчин.

Одни просили повысить их коэффициент.

Другие требовали предоставить им женщину.

Третьи обвиняли женщин в том, что те отказываются выполнять свою обязанность перед обществом.

Но одно сообщение отличалось от остальных.

Оно было отправлено без имени.

«Мне не нужна женщина, назначенная государством. Я хочу встретить ту, которая сама захочет остаться рядом».

Волков перечитал эти слова несколько раз.

Затем открыл свою книгу и написал:

«Когда любовь стала редким ресурсом, государство решило распределять её по заслугам».

Он вспомнил Майю с одиннадцатью тысячами предложений.

Сергея с очередью длиной в сорок три года.

Веру, которой запретили видеть человека, выбранного ею самой.

И добавил:

«Но любовь начинается именно там, где заканчивается право требовать и остаётся надежда быть выбранным».

Глава десятая

Сорок один процент

Вера позвонила Волкову ранним утром.

Он не сразу узнал её.

В прошлый раз она говорила спокойно, словно заранее подготовила каждое слово. Теперь её голос дрожал.

— Михаила не отпустили.
— Из центра профилактической коррекции?
— Да. Вчера закончился назначенный срок, но мне сообщили, что его пребывание продлено.
— На каком основании?
— Он отказывается признать своё поведение опасным.
— Попытка увидеть вас теперь считается опасным поведением?
— Они называют это нарушением границ защищённого лица.
— Вы дали показания?
— Трижды. Я сказала, что не считаю его угрозой.
— И что вам ответили?
Вера несколько секунд молчала.
— Что эмоциональная зависимость мешает мне объективно оценивать опасность.
Волков сел на край кровати.
За окном только начинало светать.
Город просыпался без шума. По улицам двигались уборочные машины. На соседнем здании гасли ночные рекламные панели.
— Пришлите мне номер дела.
— Уже отправила.
— Я попробую выяснить, что происходит.
— Профессор...
— Да?
— Не говорите Михаилу, что я просила вас о помощи.
— Почему?
— Он решит, что я считаю его неспособным справиться самому.
— А он способен?
— Нет.
Она ответила слишком быстро.
Потом добавила:
— Но ему необязательно об этом знать.
Волков открыл полученный файл.
«Громов Михаил Андреевич.
Возраст — тридцать шесть лет.
Профессия — реставратор архитектурных объектов.
Нарушение — попытка несанкционированного проникновения в район проживания граждан с высокой демографической значимостью.
Причина продления профилактического наблюдения — отсутствие критической оценки собственного поведения».
Ниже находилось заключение психолога:
«Гражданин продолжает утверждать, что личная привязанность может служить достаточным основанием для нарушения установленных правил».
Волков перечитал последнюю фразу.
Затем направил официальный запрос руководителю центра.
Ответ пришёл почти сразу:
«Срок рассмотрения — двадцать рабочих дней».
Алексей Сергеевич изменил категорию обращения.
«Возможное незаконное ограничение свободы».
Срок сократился до десяти дней.

Тогда он воспользовался полномочиями члена Всемирного демографического совета и потребовал немедленной проверки.

Через сорок минут ему позвонил директор центра.

— Алексей Сергеевич, вы действительно считаете необходимым лично вмешиваться в это дело?

— Да.

— Гражданин Громов использовал чужое разрешение.

— Чтобы встретиться с женщиной, с которой состоит в отношениях семь лет.

— Их отношения не зарегистрированы.

— Потому что система трижды отказалась их регистрировать.

— Коэффициент совместимости граждан составляет сорок один процент.

— Это преступление?

— Разумеется, нет.

— Тогда почему Михаил остаётся в центре?

— Он не понимает опасности своего поведения.

— Вера Самойлова утверждает, что не считает его опасным.

— Гражданка Самойлова находится в состоянии эмоциональной зависимости.

— Кто это установил?

— Система.

— На основании чего?

— Она неоднократно пыталась зарегистрировать союз с человеком, который не соответствует её социальным и психологическим показателям.

Волков снял очки.

— Значит, желание женщины быть рядом с конкретным мужчиной доказывает, что её собственному желанию нельзя доверять?

— Вы упрощаете ситуацию.

— Нет. Я пытаюсь понять вашу логику.

— Мы обязаны защищать женщин от возможного насилия.

— Защищайте.

— Именно этим мы занимаемся.

— Тогда почему мнение самой женщины не имеет значения?

Директор центра помолчал.

— Гражданин Громов будет освобождён до завершения проверки.

— Когда?

— Сегодня в восемнадцать часов.

— Я приеду.

— В этом нет необходимости.

— Тогда тем более приеду.

Вера ждала возле выхода из центра.

Она пришла за час до назначенного времени.

Волков увидел её под прозрачным навесом. Девушка стояла неподвижно и смотрела на закрытые двери.

— Он ещё не вышел? — спросил Алексей Сергеевич.

— Нет.

— До шести осталось сорок минут.

— Я знаю.

— Почему вы приехали так рано?

— Не хотела опоздать.

Они сели на металлическую скамью.

Над входом светилась надпись:

«Исправляя поведение, мы предотвращаем преступление».

— Что они с ним делали? — спросил Волков.

— Проводили беседы. Показывали смоделированные варианты будущего.

— Какие?

— В одном из них Михаил начинал контролировать мою жизнь. В другом становился агрессивным. В третьем мешал мне создать устойчивый союз с более подходящим мужчиной.

— Почему система выбрала именно такие варианты?

— Потому что у нас сорок один процент.

Вера достала из кармана маленькую пластиковую карточку.

На ней находилась их общая фотография.

Михаил смотрел не в камеру, а на Веру. Она смеялась, прикрывая лицо ладонью.

— Когда это было?

— Пять лет назад. Мы поехали к морю.

— Зачем вы носите фотографию? Её можно хранить в персональном устройстве.

— Это единственная фотография, которую Михаил напечатал сам.

— Почему?

— Он сказал, что цифровые изображения исчезают, когда перестаёшь их открывать. А эту можно случайно найти.

Вера провела пальцем по краю карточки.

— Во время нашей первой ссоры я разрезала её пополам.

Волков присмотрелся.

Посередине действительно проходила тонкая линия.

— А потом?

— Михаил склеил.

— Хорошо склеил.

— Он реставратор.

Ровно в восемнадцать часов двери открылись.

Михаил вышел в сопровождении двух сотрудников.

Это был высокий худощавый мужчина с тёмными волосами. На нём была рабочая куртка со следами строительной пыли. В одной руке он держал небольшой прозрачный пакет с личными вещами.

Вера поднялась.

Михаил увидел её и остановился.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Вера быстро подошла и ударила его ладонью по плечу.

— Ты совсем с ума сошёл?

— Я тоже рад тебя видеть.

— Зачем ты взял чужое разрешение?

— Моё отклонили.

— Нужно было подать жалобу.

— Я подал четыре.

— Тогда следовало подождать.

— Сколько?

— Не знаю.

— Вот и я не знал.

— Тебя могли оставить здесь на полгода.

— Но не оставили.

— Потому что я попросила профессора Волкова.

Вера осеклась.

Михаил посмотрел на неё.

Потом на Алексея Сергеевича.

— Значит, вы профессор Волков?

— Да.

— Вера рассказывала о вас.

— Надеюсь, не всё.

— Только то, что вы задаёте слишком много вопросов и не умеете вовремя останавливаться.

— Похоже на правду.

— Спасибо, что вытащили меня отсюда.

— Благодарите Веру.

Михаил снова посмотрел на неё.

— Ты сказала, что ничего не будешь делать.

— Я сказала, что не стану подавать ещё одну жалобу.

— А позвонить профессору — это не жалоба?

— Нет.

— Тогда что?

— Разумное решение.

— Принятое без меня.

— Ты сам принял без меня решение пройти через контрольный пункт с чужим разрешением.

— Потому что ты не отвечала.

— У меня заблокировали связь с незарегистрированными контактами.

— Я не знал.

— Можно было догадаться.

— Как?

— Михаил, я получила защитный статус. Мы обсуждали ограничения.

— Мы обсуждали поездки. Не связь.

— Ты никогда меня не слушаешь.

— Я слушаю.

— Что я только что сказала?

Михаил задумался.

— Что рада меня видеть.

Вера снова ударила его по плечу.

На этот раз слабее.

Потом обняла.

Михаил прижал её к себе.

Сотрудник центра протянул ему прозрачный пакет.

Внутри находились часы, старый складной нож, несколько металлических деталей и один засохший цветок с обломанным стеблем.

Вера заметила его.

— Это мне?

— Было тебе.

— Где остальные?

— Не прошли проверку безопасности.

— Почему?

— В букете могли находиться запрещённые устройства.

— И они уничтожили цветы?

— Исследовали.

— Это была роза?

— Одна из семи.

Вера осторожно вынула засохший цветок.

Несколько тёмных лепестков упали на землю.

— Она мёртвая.

— Я заметил.

— Зачем ты её сохранил?

— Это единственная, которую вернули.

Вера хотела что-то сказать, но не смогла.

Она положила цветок обратно в пакет.

— Поедем домой.

— К тебе или ко мне?

— К тебе.

— Почему?

— Потому что у тебя опять никто не поливал растения.

— Они автоматические.

— Ты отключил систему полива.

— Она расходовала слишком много воды.

— Поэтому у тебя всё засохло.

Михаил посмотрел на пакет.

— Не всё.

Его мастерская находилась в старой части города.

Здесь сохранились дома, построенные ещё до эпохи полной автоматизации. Их стены были неровными, окна отличались друг от друга, а на фасадах оставались следы времени, которые современные строительные системы обычно удаляли как дефекты.

Михаил восстанавливал деревянные двери, лестницы, оконные рамы и мебель.

Большую часть этой работы можно было выполнить машинным способом.

Но Михаил предпочитал работать руками.

В мастерской пахло древесиной, краской и металлической пылью.

На стенах висели инструменты.

Настоящие молотки.

Ручные пилы.

Стамески.

Кисти разных размеров.

Волков остановился возле старого шкафа.

На одной дверце сохранился глубокий след.

— Что здесь произошло?

— Кто-то ударил по нему больше ста лет назад, — ответил Михаил.

— Вы не убрали повреждение.

— Заказчик просил сохранить.

— Зачем?

— Этот шкаф стоял в доме его родителей. Он помнит царапину с детства.

— Но её можно восстановить.

— Можно.

— Тогда почему вы оставили?

Михаил провёл ладонью по дереву.

— Потому что восстановить — не всегда значит сделать новым.

Вера сняла куртку.

— Здесь опять беспорядок.
— Это мастерская.
— Это не объяснение.
— Для мастерской объяснение достаточное.
Она подошла к столу и стала перекладывать инструменты.
— Не трогай ничего.
— Почему?
— Потом не найду.
— Ты и сейчас ничего не можешь найти.
— Могу.
— Где измеритель, который я подарила тебе на прошлой неделе?
Михаил оглядел стол.
Приподнял несколько чертежей.
Открыл ящик.
Проверил карманы куртки.
Вера достала измеритель из-под деревянной панели.
— Он лежит здесь.
— Значит, я знал, где он.
— Ты искал в четырёх других местах.
— Я проверял альтернативные варианты.
Волков невольно улыбнулся.
— Чай будете? — спросил Михаил.
— Буду.
В углу стоял маленький стол.
Михаил наполнил чайник и достал три разные чашки.
В одну положил мёд.
Во вторую добавил лимон.
Третью оставил пустой.
Чашку с лимоном он поставил перед Верой.
— Я не просила чай.
— У тебя замёрзли руки.
— Здесь тепло.
— У тебя всегда холодные руки, когда ты нервничаешь.
Вера обхватила чашку ладонями.
Сделала глоток.
— Лимона много.
— Три капли.
— Я люблю две.
— Ты не можешь почувствовать разницу.
— Могу.
Михаил взял ложку и попытался выловить небольшой кусочек лимона.
— Теперь две с половиной.
— Так не работает.
Но чашку она не отодвинула.
Волков наблюдал за ними.
Они спорили с первой минуты встречи.
Перебивали друг друга.
Не соглашались даже с количеством лимона в чашке.
Система была права.

Их совместная жизнь действительно не могла быть спокойной.

Но в государственном заключении ничего не говорилось о том, что Михаил замечал холодные руки Веры раньше, чем она сама.

— Мы хотели попросить вас ещё об одной помощи, — сказала Вера.

— Какой?

Она посмотрела на Михаила.

— Скажи ты.

— Почему я?

— Потому что первым предложил ты.

— Но ты согласилась.

— Михаил.

Он сел напротив Волкова.

Несколько секунд вертел в руках ложку.

— Мы хотим ребёнка.

Алексей Сергеевич посмотрел на Веру.

Она больше не улыбалась.

— Вы уже подавали заявку?

— Нет, — ответила она. — Без зарегистрированного союза нам, скорее всего, откажут.

— Почему вы решили создать ребёнка сейчас?

— Не сейчас, — сказал Михаил. — Мы давно об этом думаем.

— Семь лет, — уточнила Вера.

— Не семь.

— Я заговорила о ребёнке через месяц после нашего знакомства.

— Ты спросила, нравятся ли мне дети.

— Это было начало разговора.

— Я решил, что ты спрашиваешь вообще.

— Михаил, женщины редко спрашивают об этом вообще через месяц после знакомства.

— Я не знал.

— Вот поэтому у нас сорок один процент.

Она сказала это без раздражения.

Почти ласково.

— Что мешало вам подать заявку раньше? — спросил Волков.

— Сначала мы учились, — ответила Вера. — Потом Михаил решил открыть мастерскую.

— Мы решили.

— Решил ты. Я говорила, что сначала нужно накопить деньги.

— Если бы я тебя послушал, мастерской до сих пор не было бы.

— Возможно, зато у нас было бы нормальное жильё.

— Тебе не нравится моя квартира?

— У тебя кровать стоит рядом с реставрационным столом.

— Зато далеко ходить не нужно.

— Вот именно.

Михаил улыбнулся.

Вера тоже не смогла удержаться.

— Потом изменились правила создания семей, — продолжила она. — Появились коэффициенты совместимости. Нам отказали в регистрации.

— Мы решили немного подождать, — сказал Михаил.

— А потом ещё немного.

— А потом нам объяснили, что ждать полезно.

— Для чего?

— Чтобы понять, действительно ли мы нужны друг другу.

Вера посмотрела на него.

— Понадобилось семь лет.

— Я понял раньше.

— Когда?

— Примерно через шесть.

Она покачала головой.

— Почему именно ребёнок? — спросил Волков. — Вы ведь можете просто жить вместе.

— Теперь не можем, — ответила Вера. — Мой защитный статус не позволяет Михаилу находиться в моей квартире без разрешения. А его квартира не соответствует требованиям безопасности для проживания женщины.

— Мы можем встречаться два раза в неделю, — добавил Михаил. — В специально разрешённое время.

— Но ребёнок не решит эту проблему.

— Мы не собираемся создавать его ради разрешения на совместное проживание.

— Тогда ради чего?

Михаил долго не отвечал.

Он встал, подошёл к дальней стене и снял ткань с большого деревянного предмета.

Под ней оказалась старая детская колыбель.

Дерево потемнело от времени. На боковой стенке были вырезаны птицы, деревья и маленькие звёзды.

— Её нашли в доме, который готовили к сносу, — сказал Михаил. — Заказчик хотел выбросить.

— И ты принёс её сюда, — произнесла Вера.

— Временно.

— Два года назад.

— Я собирался восстановить.

— Для кого?

Михаил провёл пальцами по резному краю.

— Не знаю.

— Знаешь.

Он ничего не ответил.

Вера подошла к колыбели.

— Я хочу, чтобы однажды здесь кто-то спал, — тихо сказала она. — Не потому, что государству нужны новые граждане. Не потому, что человечество исчезает. И не потому, что за девочку обещают дополнительные льготы.

Она посмотрела на Волкова.

— Я хочу просыпаться ночью, когда она плачет. Хочу беспокоиться, когда у неё температура. Хочу слышать, как Михаил неправильно читает ей старые сказки.

— Почему неправильно? — спросил он.

— Потому что ты обязательно станешь придумывать продолжение.

— Если сказка плохая, её нужно исправить.

— Вот видите?

Вера провела ладонью по краю колыбели.

— Я хочу, чтобы у нас был человек, которому мы оба будем нужны.

Волков посмотрел на Михаила.

— А вы?

— Я хочу того же.

— Девочку или мальчика?

Они переглянулись.

— Девочку, — ответил Михаил.

— Вы уверены?

— Нет, — сказала Вера. — Но мы хотим дочь.

— Почему?

— Разве для этого нужна причина?

— Для системы — да.

— Для системы причина простая: девочек мало.

— А для вас?

Вера задумалась.

— Наверное, я хочу показать ей мир до того, как государство объяснит, каким он должен быть.

— А я научу её работать руками, — сказал Михаил.

— Если она захочет.

— Конечно, захочет.

— Ты уже решаешь за неё.

— Я только предполагаю.

— Она может вообще не интересоваться твоими досками.

— Это не доски.

— Для неё будут доски.

— Тогда я найду что-нибудь другое.

Вера посмотрела на него.

— Вот поэтому я хочу ребёнка именно с ним.

Михаил улыбнулся.

— Это сейчас было признание?

— Не портъ.

Волков подошёл к колыбели.

Одна из деревянных звёзд была повреждена.

— Вы её восстановите?

— Да.

— Сделаете такой же, как раньше?

Михаил покачал головой.

— Точно такой же уже не получится. Я заменю сломанную часть, но след останется.

— Почему не скрыть его?

— Потому что тогда это будет другая колыбель.

Через два дня они пришли в городской репродуктивный центр.

Волков сопровождал их как независимый научный консультант.

В приёмном зале было тихо.

Вдоль стены располагались прозрачные экраны, на которых будущие родители могли выбирать программы развития ребёнка.

«Повышенная концентрация внимания».

«Сниженная склонность к тревожности».

«Оптимизированная память».

«Предрасположенность к техническим дисциплинам».

На соседнем экране молодая пара обсуждала цвет глаз.

— Зелёные встречаются реже, — сказала женщина.

— Зато карие лучше сочетаются с выбранным оттенком кожи, — ответил мужчина.

Михаил остановился.

— Они выбирают ребёнка или интерьер?

- Не смотри, — тихо сказала Вера.
- Почему?
- Потому что ты обязательно что-нибудь скажешь.
- Я молчу.
- Но уже недостаточно тихо.
- Их пригласили в отдельный кабинет.
- Консультант попросила разместить идентификационные браслеты на столе.
- Над поверхностью появилась форма заявки.
- Цель обращения?
- Создание ребёнка, — ответила Вера.
- Вы зарегистрированы как семейный союз?
- Нет.
- Причина?
- Нам отказали.
- Консультант открыла их данные.
- Её взгляд остановился на числе, выделенном красным цветом.
- «Прогнозируемая совместимость — сорок один процент».
- В регистрации отказано из-за высокой вероятности распада отношений.
- Мы вместе семь лет, — сказал Михаил.
- Длительность совместного пребывания учтена.
- Совместного пребывания?
- Это официальный термин.
- Мы не пребываем. Мы живём.
- Консультант не отреагировала.
- Вы хотите использовать собственный генетический материал?
- Да.
- Требуется ли полная генетическая коррекция?
- Только устранение наследственных заболеваний, — ответила Вера.
- Повышение интеллектуального потенциала?
- Нет.
- Коррекция внешности?
- Нет.
- Эмоциональная стабилизация?
- Вера посмотрела на Михаила.
- Нет.
- Снижение склонности к импульсивному поведению?
- Это вопрос о ребёнке или о нём?
- О ребёнке.
- Тогда нет.
- Вы можете выбрать уровень устойчивости к конфликтам.
- Мы не хотим выбирать ей характер, — сказал Михаил.
- Некоторые особенности характера можно определить заранее.
- Но мы не знаем, каким человеком она захочет стать.
- Консультант подняла глаза.
- Ребёнок не принимает участия в выборе исходных параметров.
- Именно поэтому мы не хотим выбирать за неё больше необходимого.
- Женщина сделала отметку.
- Предпочитаемый пол?
- Женский.

В кабинете стало тихо.

— В настоящее время частное создание эмбриона женского пола требует отдельного разрешения Демографического совета.

— Почему? — спросил Михаил.

— Девочки обладают высокой общественной значимостью.

— Мы знаем.

— Государство обязано убедиться, что условия их воспитания соответствуют требованиям безопасности.

— Это будет наша дочь.

— Юридически ребёнок женского пола находится под совместной защитой родителей и государства.

— С какого момента?

— С момента создания эмбриона.

— Значит, ещё до рождения она будет принадлежать не только нам?

— Речь идёт не о принадлежности, а о защите.

Вера закрыла глаза.

Волков заметил, как её пальцы сжались на краю стола.

— Продолжайте, — сказала она.

Консультант запустила проверку.

На экране последовательно появлялись результаты.

Доход Веры соответствовал требованиям.

Доход Михаила система признала нестабильным.

Жильё Веры находилось в защищённом районе.

Жильё Михаила не было приспособлено для проживания ребёнка.

Психологические показатели Веры находились в пределах нормы.

В профиле Михаила отмечались импульсивность и склонность к нарушению установленных правил.

История отношений содержала два изменения места жительства Веры.

Три отклонённые заявки на регистрацию союза.

Двадцать семь зафиксированных конфликтов.

Михаил наклонился к экрану.

— Откуда двадцать семь?

— Система анализирует сообщения и голосовые записи.

— Вы считали наши ссоры?

— Учитывались только конфликты продолжительностью более десяти минут.

— А если девять минут?

— Такие эпизоды не оказывают существенного влияния на прогноз.

Михаил посмотрел на Веру.

— Значит, нам нужно ссориться быстрее.

— Сейчас не время.

— Я просто уточнил.

— Вот именно это ты всегда и говоришь.

На экране появился итоговый результат:

«Заявка не соответствует требованиям программы семейного воспроизводства».

Вера не сразу поняла смысл сообщения.

— Это окончательный отказ?

— Предварительный, — ответила консультант. — Вы можете изменить параметры заявки.

— Какие именно?

— Гражданке Самойловой рекомендуется зарегистрировать союз с партнёром, имеющим более высокий коэффициент совместимости.

— С другим мужчиной? — спросил Михаил.

— Система уже подобрала несколько подходящих кандидатур.

— А что рекомендуется мне?

— Пройти коррекцию импульсивного поведения, стабилизировать доход и повысить социальный рейтинг.

— После этого нам разрешат создать ребёнка?

— Будет проведена повторная оценка.

— И если наш коэффициент останется прежним?

— Заявка, скорее всего, будет отклонена.

Вера смотрела на экран.

— Мы не хотим других партнёров.

— Вы имеете право отказаться от рекомендаций.

— Но тогда у нас не будет ребёнка.

— Право на создание ребёнка не является безусловным. Государство обязано учитывать интересы будущего человека.

— А наши интересы?

— Они также учтены.

— Где?

Консультант не ответила.

На экране появилось новое сообщение:

«Доступна альтернативная программа государственного генетического донорства».

— Что это? — спросил Михаил.

— Ваш генетический материал может быть использован для создания эмбриона женского пола в рамках программы восстановления демографического равновесия.

— А ребёнок?

— Девочка будет воспитываться в государственном центре.

— С нами?

— Нет. Вы получите статус генетических доноров.

Вера медленно повернулась к консультанту.

— Она будет нашей дочерью?

— В биологическом смысле — да.

— А в каком смысле нет?

— Юридически родителем ребёнка станет государство.

— Мы сможем её видеть?

— После прохождения психологической проверки вам могут предоставить право на две встречи в год.

Михаил выключил экран.

— Нет.

— Вам необязательно принимать решение сейчас.

— Я уже принял.

— Программа предусматривает значительную денежную компенсацию.

— Нет.

— Ваш материал поможет создать девочку, необходимую обществу.

— Мы пришли не помогать обществу получить ещё одну девочку.

Он взял Веру за руку.

— Мы пришли за нашей дочерью.

Консультант посмотрела на Волкова.

— Профессор, возможно, вы объясните им разницу между личным желанием и демографической необходимостью.

Алексей Сергеевич снял очки.

— Боюсь, именно эту разницу я уже давно пытаюсь объяснить вашему Совету.

— Вы поддерживаете их заявку?

— Да.

— Несмотря на коэффициент совместимости?

— Благодаря тому, что увидел за пределами коэффициента.

— Научная оценка не может основываться на личном впечатлении.

— А любовь не может основываться только на научной оценке.

Официальный отказ пришёл через четыре минуты после того, как они покинули кабинет.

На стене коридора находилось большое прозрачное окно.

За ним располагался зал искусственной гестации.

Сотни капсул стояли ровными рядами.

Внутри некоторых едва различались маленькие человеческие тела.

Над каждой капсулой светились данные.

Номер.

Срок развития.

Генетический индекс.

Предполагаемые способности.

Категория будущего воспитания.

Возле одной из капсул стояли мужчина и женщина.

Они держались за руки и смотрели на ребёнка внутри.

— Родители, — тихо сказала Вера.

Михаил посмотрел на информационную панель.

— Девяносто три процента совместимости.

— Не надо.

— Я просто увидел.

— Не надо, Миша.

Он замолчал.

Вера подошла ближе к стеклу.

В дальней части зала находился отдельный сектор. Возле него стояли сотрудники службы демографической безопасности.

Над входом светила надпись:

«Государственная программа “Дочери человечества”».

За матовым стеклом виднелись ряды новых капсул.

Рядом с ними не было родителей.

— Там создают девочек, — произнесла Вера.

— Да, — ответил Волков.

— Для них не требуется совместимость?

— Их будет воспитывать государство.

— Значит, государство заранее признано идеальным родителем?

Алексей Сергеевич не нашёл ответа.

Вера приложила ладонь к стеклу.

За ним, в одной из капсул, шевельнулась крошечная рука.

Возможно, движение было случайным.

Но Вера не убрала ладонь.

Михаил встал рядом.

Он хотел прикоснуться к её плечу, но остановился.

Потом всё-таки обнял.
Вера прижалась к нему.
Они молча смотрели на детей, которым разрешили появиться.
На улице шёл дождь.
Михаил раскрыл над Верой зонт.
Половина его плеча осталась под дождём.
— Ты опять держишь криво, — сказала она.
— Зато тебе сухо.
— Можно держать ровно, и тогда сухо будет обоим.
— Так тоже можно.
Он поправил зонт.
Теперь вода потекла Вере на рукав.
— Верни как было.
— Ты же просила ровно.
— Миша.
— Возвращаю.
Несколько минут они шли молча.
— Может быть, они правы, — сказала Вера.
Михаил остановился.
— Нет.
— Ты даже не подумал.
— Подумал.
— Когда?
— Все семь лет.
— Мы действительно постоянно спорим.
— Это не значит, что мы не умеем быть вместе.
— Мы дважды расставались.
— И дважды сошлись.
— Потому что не смогли жить друг без друга.
— Разве это плохо?
— Система называет это зависимостью.
— А как называешь ты?
Вера посмотрела на него.
— Не знаю.
— Я называю это нами.
Она отвернулась.
— Нам могли разрешить мальчика.
— Могли.
— Для мальчика не требуется специальное решение Совета.
— Я слышал.
— Может быть, нужно изменить заявку?
Михаил долго молчал.
— Ты этого хочешь?
— Я хочу ребёнка.
— Это не ответ.
— Теперь ты решил задавать правильные вопросы?
— Иногда получается.
Вера посмотрела на проезжающие машины.
— Если мы изменим заявку, получится, что они имели право выбирать за нас.

— Получится.

— Но у нас будет ребёнок.

— Возможно.

— Ты хочешь сына?

— Я хочу нашего ребёнка.

— А дочь?

Михаил посмотрел на неё.

— Тоже.

— Нельзя одновременно?

— Почему нельзя?

— Потому что система требует выбрать.

— Тогда проблема в системе.

Вера закрыла лицо руками.

Михаил обнял её.

Она сначала попыталась отстраниться, но потом уткнулась лбом ему в грудь.

— Я уже представляла её, — прошептала Вера.

— Я тоже.

— У неё были твои волосы.

— Бедный ребёнок.

— И моя привычка всё раскладывать по местам.

— Ещё хуже.

Вера коротко рассмеялась.

Но почти сразу её смех оборвался.

— Её ещё нет, а мне уже кажется, что у нас её отняли.

Михаил ничего не сказал.

Он просто держал её под дождём.

Волков стоял в нескольких шагах.

За прозрачными стенами репродуктивного центра продолжали работать машины.

Они поддерживали температуру.

Обновляли питательную среду.

Следили за дыханием и сердечным ритмом.

В этом здании почти ничего не зависело от случайности.

Кроме того, кому разрешалось стать родителями.

Вечером Михаил вернулся в мастерскую.

Вера сидела рядом с колыбелью.

Она провела пальцем по повреждённой деревянной звезде.

— Ты говорил, что восстановишь её.

— Восстановлю.

— Когда?

— Скоро.

— Ты всегда так говоришь.

Михаил принёс инструменты и сел на пол.

Он долго подбирал подходящий кусок дерева.

Один оказался слишком светлым.

Другой — слишком мягким.

Третий подходил по цвету, но рисунок волокон шёл в другую сторону.

— Этот, — сказала Вера.

— Он отличается.

— Немного.

— Будет видно.

— Пусть.

Михаил посмотрел на неё.

— Ты обычно хочешь, чтобы всё было идеально.

— Я передумала.

— Почему?

Вера коснулась края колыбели.

— Потому что идеальное нам всё равно не разрешают.

Михаил вставил новый фрагмент вместо сломанного.

Он действительно отличался.

Старая древесина была тёмной, почти коричневой. Новая звезда оставалась светлой.

— Некрасиво, — сказала Вера.

— Можно заменить всю стенку.

— Нет.

— Тогда со временем потемнеет.

— А если не потемнеет?

— Значит, будет такой.

Вера долго смотрела на новую звезду.

— Миша.

— Да?

— А как люди создавали детей раньше?

Он поднял голову.

— До искусственных маток?

— Да.

— Ты знаешь.

— Знаю.

— Тогда почему спрашиваешь?

— Потому что никто уже не говорит об этом как о настоящей возможности.

Михаил отложил инструмент.

— Естественная беременность считается опасной.

— Она не запрещена.

— Пока не запрещена.

— Большинство женщин не способны выносить ребёнка без медицинской поддержки.

— Большинство — не все.

— Врачи почти не умеют вести такую беременность.

— Но когда-то умели.

— Когда-то люди умирали от обычных инфекций.

— И всё же рождали детей.

Вера поднялась.

Подошла к окну.

За стеклом медленно двигались огни ночного города.

— Ты понимаешь, о чём говоришь? — спросила она.

— Да.

— Нет, не понимаешь. Рисковать придётся не тебе.

— Поэтому решать должна ты.

— А если я решу попробовать?

Михаил не ответил.

Вера обернулась.

В его лице впервые не было ни улыбки, ни готовой шутки.

— Я буду бояться, — сказал он.
— Я тоже.
— Каждый день.
— Я тоже.
— Если с тобой что-нибудь случится...
— Миша, я ещё ничего не решила.
Он подошёл к ней.
— Тогда не решай сегодня.
— А когда?
— Когда будешь уверена, что это твоё желание. Не моё. Не ответ системе. Не попытка кому-то что-то доказать.
— А если я никогда не буду уверена?
— Значит, не будем.
— И ты согласишься?
Михаил посмотрел на недоделанную колыбель.
— Нет.
— Честно.
— Но останусь.
Вера закрыла глаза.
Потом положила его ладонь себе на живот.
Пока там ничего не было.
Ни ребёнка.
Ни сердцебиения.
Ни новой жизни.
Только тепло её тела под тонкой тканью.
— Здесь когда-то могли расти дети, — тихо сказала она.
Михаил не пошевелился.
— И сейчас могут, — ответил он.
Вера открыла глаза.
— Мы этого не знаем.
— Нет.
— Это может быть опасно.
— Да.
— Ребёнок может не выжить.
Михаил сжал её пальцы.
— Я знаю.
Они стояли рядом, не принимая решения.
Но впервые после отказа системы перед ними снова появилась возможность.
Древняя.
Почти забытая.
Непредсказуемая.
И принадлежавшая только им.
Поздно вечером Волков получил от Веры короткое сообщение:
«Скажите, профессор, естественное рождение действительно стало невозможным? Или мы просто слишком давно перестали пытаться?»
Алексей Сергеевич не ответил сразу.
Он открыл медицинские архивы.
Последняя официально зарегистрированная естественная беременность завершилась сорок семь лет назад.

Ребёнок умер на седьмом месяце.

В заключении причиной назывался недостаточный уровень специализированной медицинской помощи.

После этого случая естественную беременность признали неоправданным риском.

Страховые системы перестали оплачивать наблюдение.

Медицинские университеты исключили практическое акушерство из основных программ.

Репродуктивные центры окончательно перешли на искусственную гестацию.

Ни один закон не запрещал женщине выносить ребёнка самостоятельно.

Но весь мир был устроен так, чтобы она никогда не решилась попробовать.

Волков написал Вере:

«Невозможным это не стало. Но безопасным тоже не является».

Ответ пришёл через несколько минут:

«Спасибо за честность».

Алексей Сергеевич хотел добавить ещё несколько слов.

Предупредить её.

Попросить не торопиться.

Объяснить, сколько опасностей невозможно предсказать.

Но остановился.

Он понял, что впервые Вера спрашивала его не как члена Совета и не как известного генетика.

Она спрашивала как человек, которому ещё доверяла.

Волков открыл свою книгу.

Долго смотрел на пустую страницу.

Потом написал:

«Государство отказало двум людям в праве создать ребёнка, потому что не поверило в прочность их любви».

Он вспомнил светлую звезду на старой колыбели.

Ладонь Михаила на животе Веры.

И вопрос, который человечество не задавало почти половину века.

Алексей Сергеевич добавил:

«Когда будущее оказалось закрыто, они впервые посмотрели в прошлое».

Он сохранил запись.

А затем снова открыл медицинские архивы.

Глава одиннадцатая

Сердцебиение

Волков провёл ночь за медицинскими архивами.

Он искал не статьи об искусственной гестации.

Не отчёты репродуктивных центров.

Не статистику генетических отклонений.

Ему нужны были документы, которыми никто не пользовался почти полвека.

Наблюдение за естественной беременностью.

Развитие ребёнка в теле женщины.

Осложнения.

Роды.

Большинство материалов находилось в разделе устаревших медицинских практик.

Некоторые файлы не открывались.

Другие были переведены в исторический архив и лишены статуса научных источников.

Система несколько раз предлагала заменить запрос:

«Возможно, вас интересуют современные методы искусственной гестации».

Волков отклонял предложение.

К утру он нашёл список последних врачей, получивших практическую подготовку по естественному вынашиванию детей.

Большинство давно умерли.

Несколько человек находились в учреждениях возрастного ухода.

Только одно имя сопровождалось действующей медицинской лицензией.

София Марковна Белова.

Восемьдесят девять лет.

Специализация — репродуктивная физиология.

Статус лицензии — ограниченный.

Последнее место работы — городской центр материнской медицины, закрытый сорок два года назад.

Волков направил ей сообщение.

Ответ пришёл через несколько минут:

«Если вы хотите спросить, может ли женщина до сих пор выносить ребёнка, приезжайте.

По связи я на такие вопросы не отвечаю».

София Марковна жила на окраине города.

Её дом отличался от соседних зданий.

На окнах висели настоящие занавески.

На подоконниках стояли растения.

Возле двери находилась небольшая деревянная табличка:

«Доктор Белова».

Волков позвонил.

Дверь открыла невысокая женщина с совершенно седыми волосами.

Она внимательно посмотрела на него.

— Алексей Сергеевич Волков.

— Вы меня узнали?

— Я ещё не слеpla. Проходите.

В квартире пахло лекарственными травами и старой бумагой.

Вдоль стен стояли шкафы с книгами.

Большая часть была посвящена медицине.

На одной из полок Волков увидел старую фотографию.

Молодая София Марковна стояла возле больничной кровати. Рядом находилась женщина с новорождённым ребёнком на руках.

— Это вы? — спросил он.

— Я.

— Вы принимали роды?

— Нет. Только присутствовала. Тогда я ещё проходила подготовку.

— Кто этот ребёнок?

— Мальчик. Его звали Андрей.

— Где он сейчас?

София Марковна пожала плечами.

— Ему должно быть около шестидесяти. Возможно, жив. Возможно, нет.

Она поставила на стол чайник.

— Зачем вы искали меня?

— Ко мне обратилась женщина. Она хочет попытаться выносить ребёнка естественным путём.

Рука Софии Марковны остановилась над чашкой.

— Сколько ей лет?

— Тридцать два года.

— Состояние здоровья?

— По данным системы — хорошее.

— Это ничего не значит.

— Почему?

— Современная система оценивает женщину как источник генетического материала. Она не проверяет, способно ли её тело выносить ребёнка.

— Такая возможность сохраняется?

— У некоторых женщин — да.

— Насколько это опасно?

— Вы хотите получить цифру?

— Желательно.

— Её нет.

София Марковна села напротив него.

— Сколько естественных беременностей наблюдалось за последние сорок лет?

— Ни одной официально зарегистрированной.

— Тогда откуда возьмётся статистика?

— Есть старые данные.

— Они собирались в другом мире. Женщины тогда с детства знали, что могут забеременеть. Врачи умели наблюдать за ними. Больницы имели родильные отделения. Существовали тысячи специалистов.

Она указала на медицинские книги.

— Теперь всё это история.

— Но человеческое тело не изменилось настолько сильно за несколько поколений.

— Изменилась медицина. Изменился образ жизни. Изменились препараты, которые женщины принимают с подросткового возраста. Изменилось отношение к риску.

— Значит, это возможно?

— Возможно.

— Но вы не советуете пробовать.

— Я не даю советов людям, которых не видела.

— Вы согласитесь встретиться с Верой?

София Марковна посмотрела на него.

— Вы уже называли её имя.

— Да.

— Значит, вы решили, что я соглашусь.

— Я надеялся.

— Это одна из самых опасных человеческих привычек.

— Какая?

— Принимать надежду за решение другого человека.

Волков опустил глаза.

— Простите.

София Марковна налила чай.

— Привозите её.

— Когда?

— Не торопитесь, профессор. Если женщина решила вернуть своему телу функцию, которой человечество не пользовалось полвека, несколько дней уже ничего не изменят.

Вера и Михаил приехали через неделю.

Всю дорогу они спорили.

Вера считала, что сначала должна поговорить с врачом одна.

Михаил отвечал, что решение касается их обоих.

— Решение касается нас обоих, — сказала Вера. — Но рисковать буду я.

— Именно поэтому я должен присутствовать.

— Чтобы контролировать меня?

— Чтобы услышать всё своими ушами.

— Моих слов тебе недостаточно?

— Достаточно. Но ты иногда скрываешь то, что считаешь неважным.

— Например?

— Например, что тебе продлили рабочую смену на четыре часа.

— Это не имело отношения к тебе.

— Ты потеряла сознание в транспорте.

— Один раз.

— Именно поэтому я хочу войти вместе с тобой.

— А если я скажу, что не хочу?

Михаил остановился перед дверью.

— Тогда останусь здесь.

— И не будешь подслушивать?

— Буду.

Вера посмотрела на него.

— Хотя бы честно.

София Марковна открыла дверь.

— Если вы закончили первую семейную консультацию, заходите.

Она осмотрела Веру в бывшем рабочем кабинете.

Здесь сохранилось старое диагностическое оборудование. Рядом с ним стояли современные медицинские устройства.

Михаил ждал в соседней комнате.

Каждые несколько минут он вставал, подходил к двери, потом возвращался на место.

— Если будете ходить, пол не станет ровнее, — сказала София Марковна.

Она вышла из кабинета и села за стол.

Вера остановилась рядом.

— Ну? — спросил Михаил.

— Что «ну»?

— Что она сказала?

— Ты можешь спросить у неё сам.

Михаил посмотрел на врача.

— Ну?

— Вы всегда так разговариваете?

— Когда нервничаю.

— Тогда придётся привыкать к длинным предложениям. Следующие несколько месяцев могут оказаться очень нервными.

Он замолчал.

София Марковна открыла результаты обследования.

— Физиологических причин, полностью исключающих беременность, я не обнаружила.

Вера медленно села.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.